

Тессония Одетт

ПОЦЕЛУЙ

ШЕЛКИ

18+

РЕТЕЛЛИНГ «РУСАЛОЧКИ»

Young Adult. Связанные узлами с фейри

Тессония Одетт
Поцелуй шелки

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Одетт Т.

Поцелуй шелки / Т. Одетт — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Связанные узлами с фейри)

ISBN 978-5-04-180231-8

Красивый беглец ищет брак по расчету. Шелки, чей поцелуй смертелен, может решить его судьбу... Чтобы избежать гнева злобной морской королевы, шелки Мэйзи прячется на суше, зарабатывая воровством. Однажды девушка спасает тонущего человека и вытаскивает его на берег, тем самым нарушая закон фейри. В качестве наказания ей необходимо выследить спасенного юношу... и подарить ему свой смертоносный поцелуй. Сын печально известного убийцы фейри, Дориан, попав на запретный остров, сделает все, чтобы остаться здесь, даже если для этого потребуется жениться. А Мэйзи предстоит притвориться дебютанткой, чтобы завоевать его внимание. Но если любовь однажды придет на смену притворству, неужели рокового поцелуя будет не избежать?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-180231-8

© Одетт Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава I	8
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	30
Глава VI	35
Глава VII	40
Глава VIII	45
Глава IX	49
Глава X	54
Глава XI	60
Глава XII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Тессония Одетт Поцелуй шелки

Tessonja Odette
Kiss of the Selkie
Copyright © 2021 by Tessonja Odette

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава I

Первый юноша, которого я поцеловала, тут же умер. Если я еще когда-нибудь прижмусь к чьим-то губам своими, эта смерть не станет последней. Очень надеюсь, что поцелуев в моей жизни больше не будет. Не потому, что не люблю целоваться. Я могла бы насладиться моментом, целуй меня кто-то более приятный. И уж тем более, если бы юноша не отшатнулся, задыхаясь от вкуса моих губ.

Не в поцелуях дело, а в смертях, к которым эти поцелуи приводят.

Нравится мне это или нет, правда остается правдой: для такой убийцы, как я, на острове Фейривэй не так много вариантов. Первый, конечно, – тюрьма. Так как я фейри – а точнее, шелка – это может означать вечную жизнь в клетке. Второй вариант – изгнание. Не так уж страшно, если бы не одно «но»: любая фейри, надолго покинувшая защитный магический барьер, окружающий остров, лишается своего бессмертия. И третий вариант – наказание. Поскольку островом Фейривэй правят фейри, нарушители закона расплачиваются за свои злодеяния в соответствии с нашими древними обычаями. В большинстве случаев, посредством ужасных, леденящих душу сделок и проклятий.

По общему признанию, у меня, как у сбежавшей принцессы, есть хороший шанс спастись от худшей формы наказания благодаря влиянию моего отца – правителя Морского королевства.

Но есть и четвертый вариант, созданный специально для меня, который хуже, чем первые три, вместе взятые. Тот вариант, из-за которого я в бегах уже больше года...

И который логично приводит к моему любимому пятому варианту под названием «прятаться вечно».

Где еще можно надежно спрятаться, если не в ярком, шумном городе Люменас?

Засунув руки в карманы своего коричневого твидового пальто, я прогуливаюсь по оживленным улицам в центре, то и дело натываясь на рассеянных прохожих. Никто не смотрит в мою сторону, потому что вокруг есть более интересные вещи, чем розововолосая девушка-фейри в огромной кепке и мужских брюках. Если не присматриваться к моим заостренным ушам – отличительному признаку чистокровных фейри, – спрятанным под головным убором, то я могу сойти за человека. Хотя, даже если кто-нибудь и заметит, это неважно, потому что Люменас в равной степени является домом как для людей, так и для фейри.

Я сворачиваю на улицу Галлей, где из-за туристов яблоку негде упасть. Улица кишит пешеходами, автобусами и даже одним или двумя автомобилями. Со всех сторон слышится шум: стук лошадиных копыт, зов рога, музыка и смех. Прожив здесь год, я уже привыкла к подобной суматохе, но помню, каким странным мне все казалось сначала. Я думала, что от шума у меня вот-вот взорвется голова, и это навевало тоску по моей тихой маленькой лагуне. Теперь хаос для меня не более чем красочный фон.

А лучше всего то, что подобная оживленность помогает мне зарабатывать.

Пара людей останавливаются в нескольких футах передо мной, зачарованно глядя на заоблачно высокое здание из розового мрамора, покрытое переливающимися электрическими лампочками. Люменас из тех городов, что ночью становятся еще ярче, чем днем. Уже перевалило за полночь, а небо потемнело, но на улице светлее, чем при солнечном свете. И сейчас я не смогла бы увидеть звезды, даже если бы попыталась. Странное противоречие для города, расположенного в Звездном королевстве – одном из одиннадцати королевств фейри, составляющих остров Фейривэй.

– Извините, – бормочу я, притворяясь, что спотыкаюсь, и натываюсь плечом на плечо мужчины. Он не замечает ни меня, ни того, как моя рука проскальзывает в его карман, доставая латунные карманные часы.

«Слишком просто», – думаю я с ухмылкой и бросаю часы в сумку, внутри которой происходит шевеление, сопровождаемое приглушенным мужским голосом:

– Миленькие часики, Мэйзи.

– Подаксис, – шиплю я уголком рта, – сколько раз тебе напоминать, чтобы ты больше не произносил это имя? Меня зовут Перл, помнишь?

Моя сумка снова двигается, когда пара красных клешней приподнимает верхний клапан. В глубине сумки мне не видны его глаза-бусинки, но я могу легко представить обеспокоенное выражение на крабоподобном лице Подаксиса.

– Точно. Прошу прощения, ваше высочество. То есть Перл. Ты же знаешь, мне трудно использовать это имя. Это же все равно что лгать.

– Это не ложь, – говорю я, хотя отчасти так оно и есть. Чистокровные фейри, такие как я и Подаксис, не способны откровенно лгать. Однако мы можем немного исказить правду. Все дело в намерениях. – Мое имя означает «жемчужина», что очень даже правда.

– Знаю-знаю, – бормочет он и снова закрывает клапан сумки.

В каком-нибудь другом месте я бы беспокоилась, что меня заметят разговаривающей с сумкой. Но не здесь. Не тогда, когда вокруг, куда ни повернись, так много более захватывающих вещей, на которые стоит посмотреть: крылатые люди, способные жонглировать чем угодно от кроликов до ножей, музыканты на импровизированных сценах, бьющие в барабаны и играющие на скрипках, свисающие с фонарных столбов прекрасные нимфы, что выполняют акробатические трюки на шелковых веревках. И это только в этом квартале.

Расположенный на севере Звездного королевства, Люменас широко известен как музыкальная столица Фейривэя. В нем находится больше музыкальных залов, оперных и других театров, чем где-либо еще на острове. Тем не менее этот город также получил несколько более пикантных прозвищ: притон для разврата, погибель азартного игрока, дьявольское наслаждение, рай для воров. В конце концов, Люменас – город, кишачий богачами, которые приехали на отдых. И они, быть может, привлеченные красотой и искусством, остаются ради более острых ощущений.

Я, например, использую этот город как убежище. Идеальное место, где принцесса может сменить свою личность и спрятаться. Здесь я всего лишь песчинка на морском берегу. Незаметная. Несущественная. Просто девушка, переодетая юношей и вытаскивающая безделушки из чужих карманов так же ловко, как девушки в Саду Орхидей задирают юбки.

Я осматриваю толпу, пока мое внимание не привлекает группа людей на углу, столпившихся вокруг мужчины-фейри с рогами, который декламирует стихи. На нем нет ничего, кроме розовой юбки с оборками и красных подтяжек, открывающих выпяченную грудь и толстые скульптурные икры, от которых несколько человеческих женщин, собравшихся вокруг него, падают в обморок. Их мужья, похоже, разрываются между бдением за своими дорогими женами и слушанием фейри, который полностью завладел их вниманием. Это делает их всех идеальной мишенью. Я пробираюсь сквозь толпу, подхожу к одному из мужчин сзади и толкаю его локтем в бок. Он отшатывается, задевая рядом стоящего мужчину, из-за чего тот спотыкается и набрасывается на первого с хмурым видом и проклятиями. В этот момент я обхожу возмущенного мужчину с другой стороны и достаю из кармана его пальто бархатный мешочек с деньгами, заменяя на коробок спичек.

Проще простого.

К тому времени, как добираюсь до пересечения улицы Галлей с Третьей, в моей сумке лежат ожерелье, браслет и рубиновая серьга. Если раньше, лишь с Подаксисом внутри, моя сумка была легкой, то теперь я явно ощущаю ее вес. Я собираюсь повернуть на Третью улицу, готовая прекратить ночную охоту, когда что-то на Галлей снова привлекает мое внимание. Группа хорошо одетых аристократов задерживается у дверей Бриллиантового оперного театра. Смеясь, они болтают рядом с каретой, запряженной четверкой. Мужчины облачены в свои

лучшие сюртуки, цилиндры и шелковые галстуки, в то время как ближайшая ко мне женщина может похвастаться облегающим черным вечерним платьем, белыми перчатками и изящной сумочкой из бисера, висящей на ее запястье. Но не это привлекает мое внимание, а украшение, которым заколот на затылке аккуратный пучок локонов. Серебряный гребень в форме морской раковины, инкрустированный переливающимся перламутром. При виде этой вещицы мой нос дергается, как будто мне вдруг захотелось чихнуть. Подобное всегда происходит, когда я замечаю какое-нибудь особенно заманчивое сокровище.

Моя сумка шевелится, когда Подаксис отодвигает клапан в сторону. На этот раз он выглядывает наружу.

– Не делай этого, Мэйз... Перл. Ты же знаешь, что происходит по эту сторону Третьей улицы.

– Знаю, – бормочу я, не отрывая глаз от гребня. Он прав. К востоку от Третьей улицы, на Галлей проживает очень элитная клиентура, в отличие от коварного хаоса западной стороны. Здесь улицы гораздо менее оживленные, а звуки, доносящиеся из театров, более мягкие и мелодичные, что увеличивает шансы быть пойманной на воровстве. Не говоря уже о том, что городская тюрьма находится в квартале к востоку отсюда.

– На сегодня достаточно, – говорит Подаксис с мольбой в голосе. – Но что еще важнее, я бы предпочел не возвращаться в тюрьму.

– Мы были там всего лишь раз и только на пятнадцать минут, – испускаю я вздох. – Как же я хочу этот гребень.

– Делай что хочешь, мне все равно, – ворчит он, когда забирается обратно, на дно моей сумки.

– Я так не думаю, мой друг. – Я заворачиваю за угол оперного театра и останавливаюсь, чтобы полностью открыть свою сумку. Смеющиеся туристы проходят мимо, не обращая на меня никакого внимания. Глядя на Подаксиса сверху вниз, я улыбаюсь ему. – Мне понадобится твоя помощь в этом деле.

Он щелкает клешнями.

– А что, если я откажусь?

– Ты этого не сделаешь.

– С чего ты взяла?

Я подмигиваю.

– Потому что в итоге ты никогда этого не делаешь, и потому что ты мой лучший друг. А теперь пойдём. Ничего сложного! Ты знаешь, что делать.

– Ты всегда вспоминаешь, что я твой лучший друг, в самое неподходящее время, – вздыхает он, но, несмотря на свои протесты, начинает вылезать из сумки. Я помогаю ему и сажаю у своих ног. Взвизгнув, он несется к зданию, подальше от топота прохожих. На него бросают несколько любопытных взглядов, но ни один из них не задерживается надолго. Появлением фейри на улицах Люменаса никого не удивить, хотя Подаксис – не самый распространенный вид, который встречается в Звездном королевстве. Он грибной эльф, размером с маленького терьера. Своими красными клешнями и покрытым мхом зеленым панцирем, на котором растут многочисленные грибы странной формы, Подаксис напоминает краба. Его вид, как правило, обитает в королевствах с влажным или теплым климатом. Звездное королевство можно считать достаточно комфортным для него, но мягкая погода и ничем не примечательный климат редко отвлекают его сородичей от более благоприятных мест, как, например, Лунное, Земляное или Огненное королевства.

– Готов? – спрашиваю я.

– Нет, – бормочет он в ответ, но поднимает клешни.

С глубоким вздохом я натягиваю кепку на лоб, убедившись, что все выбившиеся пряди моих коротких розовых волос надежно спрятаны. Мы с Подаксисом бросаемся бежать, он – к

запряженной четверкой карете, а я – к болтающей толпе. Я теряю своего друга из виду, когда прохожу мимо группы около оперного театра. Раздается ржание, за которым следует стук лошадиных копыт.

– Что это такое? – ахает женщина с украшением в волосах, и остальные поворачиваются в сторону шума. Две лошади в передней части упряжи пытаются встать на дыбы, и женщина делает шаг назад... ко мне. Крутанувшись, я протягиваю руку, снимаю расческу с ее затылка и кладу ее в карман.

Я едва не хихикаю вслух. Как же просто.

Из-под задней части кареты выбегает Подаксис. Там мы и встречаемся. Я наклоняюсь, чтобы поднять его, и отваживаюсь оглянуться на толпу. Они все еще пытаются успокоить испуганных лошадей.

– Ты отлично справился, – шепчу я, прижимая его к груди. Несмотря на собственную уверенность, я знаю, что лучше не задерживаться на месте, чтобы позволить ему вернуться в мою сумку. Сделаю это после того, как мы завернем за следующий угол Третьей. Когда окажемся подальше от тюрьмы, что вырисовывается на другом конце улицы.

– Это было унижительно.

– Но это сработало. Я же говорила...

– Мой гребень! Джордж, ты его не видел?

Мое сердце подскакивает к горлу, но я продолжаю смотреть прямо перед собой. Четвертая авеню находится всего в дюжине футов от отеля. После этого...

– Эй, ты! Мальчишка! – кричит мужской голос у меня за спиной.

– Ракушки, – бормочу я, ускоряя шаг, но уже слышу стук изящных туфель по тротуару.

– Перл, – голос Подаксиса повышается на октаву.

– Знаю-знаю. – Мои ноги рвутся вперед, но я заставляю себя сохранять спокойствие и вести себя естественно. Наконец, я сворачиваю на Третью улицу...

И чуть не сталкиваюсь с двумя людьми. Накрахмаленные горчично-желтые пиджаки и черные колоколообразные шлемы выдают в них городских патрульных. Я отшатываюсь назад и в сторону, едва не спотыкаясь о собственные ноги.

– Следы, куда идешь, – говорит один из них с насмешкой. Он фейри с коричневой кожей и огромными изогнутыми рогами по обе стороны от шлема. Женщина-патрульный рядом с ним выглядит как сильфида¹, с ее голубой кожей и волосами. Сильфиды могут быть красивыми и стройными, но они, как известно, мастерски владеют мечом. Тут я замечаю один у нее на бедре.

– Извините, – бормочу я, стараясь, чтобы мой голос звучал ниже, чем есть на самом деле. Даже при условии, что патрульные такие же фейри, как и я, загляни они ко мне в сумку или в карманы, я не получу от них никакого снисхождения.

Сильфида начинает отступать в сторону, чтобы дать мне пройти, когда позади раздается крик:

– Мальчик!

Офицеры, прищурившись, смотрят на меня. Я бросаю взгляд в сторону и вижу несущегося по тротуару мужчину, одного из тех, что стояли у театра. За ним спешит женщина, у которой я украла гребень. Когда она замечает, что прижато к моей груди, ее глаза округляются.

– Это существо напугало лошадей.

– Ставлю пятьдесят фишек, что мальчишка – вор, – говорит мужчина.

– Ракушки, – ругаюсь я себе под нос и отступаю к ближайшему зданию.

Патрульные не дают мне сделать больше двух шагов, прежде чем начинают надвигаться на меня.

---

¹ Сильфида – в средневековом фольклоре дух воздуха в облике женщины.

– Выверни карманы и открой сумку, – требует мужчина-патрульный, протягивая ко мне руку.

Я делаю еще один шаг к зданию.

Затем закрываю глаза.

И исчезаю.

Глава II

Открыв глаза, я обнаруживаю, что мир приобрел тревожный оттенок фиолетового, который охватывает все, от офицера, застывшего на месте в попытке схватить меня, до его спутницы-сильфиды и двух аристократов, что также неподвижны. Даже мы с Подаксисом стали фиолетовыми. Еще более странным кажется то, что изменилось буквально все: я, мой крабообразный друг, окружающие нас люди, улица и здания. Вся материя теперь состоит из кружащихся, пульсирующих фиолетовых частиц, которые постоянно находятся в движении, несмотря на то, что каждое живое существо застыло. Или почти застыло, поскольку каждый из присутствующих хоть и едва заметно, но все же продолжает двигаться.

Так всегда бывает, когда я исчезаю. Тем не менее я все еще не привыкла к этому и не уверена, что когда-нибудь смогу.

Я бросаюсь к зданию, но вместо того, чтобы нестись со всех ног, будто бы плыву от одной ступеньки к другой, или пробираюсь сквозь плотный песок, или иду вброд по мутной воде. Пусть мои движения плавны, а под ногами твердая почва, но мое тело реагирует не так, как в реальном мире. Все потому, что я не в реальном мире.

Я в Двенадцатом королевстве.

На острове Фейривэй существует одиннадцать королевств, каждое из которых названо в честь какого-либо элемента, времени года или небесного светила. У каждого королевства свой климат, а территория наглядно показывает, почему было выбрано именно такое название. Каждым королевством правят два члена королевской семьи фейри – благой и неблагой. Первый контролирует вопросы повседневной жизни, финансов и отношений между людьми и фейри, в то время как второй защищает природу и поддерживает древние традиции. Однако существует и двенадцатое королевство, в котором нет ни правителя, ни деления на благих и неблагих. На самом деле, это и королевством-то не назовешь. Это дом Всего Сущего, царство, где зарождается магия фейри. И нет, наносить случайный визит, как я сейчас – ненормально.

В первый раз я попала в Двенадцатое королевство случайно. Это случилось почти год назад, когда я только обосновалась в Звездном королевстве и только начала воровать. Двое патрульных, поймавших меня за кражей часов, отвезли нас с Подаксисом в городскую тюрьму. После того, как они заперли нас в темной камере, я могла думать только о том, как отчаянно хочу принять неблаговую форму. Большинство фейри обладают двумя формами, которые они могут выбрать в любой момент. Неблагая – естественная форма фейри, часто животная или эфирная по своей природе, в то время как благая – более человеческая, как та, которую я ношу сейчас. Только я отличаюсь от других. Я шелки – фейри-тюлень. В отличие от почти любого другого вида фейри, шелки для изменения формы нужно нечто большее, чем простое намерение. Чтобы принять благовую форму, мы снимаем наши тюленьи шкуры, а чтобы вернуться к неблагой, должны надеть эти шкуры вновь.

Не знаю, почему для нас все так сложно. Все остальные фейри при смене формы отделяются разве что легкой дрожью, а я каждый раз испытываю большие неудобства. Тогда, в тюрьме, я полагала, что разрушила свой план под названием «спрятаться навсегда», и мечтала только о том, чтобы сменить форму, просто прикоснувшись к магии Двенадцатого королевства, как это делают все остальные. Конечно, даже будь у меня под рукой тюленья шкура, это не принесло бы особой пользы. Патрульные должны были скоро вернуться, чтобы заняться мной. Они заставили бы меня раскрыть свою истинную личность, независимо от того, в какой форме я находилась в данный момент. Это, в свою очередь, раскрыло бы мое местоположение человеку, от которого я изо всех сил пыталась скрыться. Однако мое желание принять неблаговую форму было вызвано не попыткой спастись, а найти в ней утешение. В ее мехе, жире и всем том, что когда-то ассоциировалось у меня с безопасностью. Я подумала, что, если ничего

уже не исправить, мне, по крайней мере, будет комфортно. Поэтому я закрыла глаза и попробовала. Я очень, очень старалась...

И оказалась здесь, вне времени и формы.

В тот раз я сбежала так же, как делаю это сейчас. И, честно говоря, как делала еще примерно полдюжины раз до этого.

Я глубоко дышу. Мои легкие реагируют слишком медленно, наполняясь воздухом, который совсем не похож на воздух. Мое сердце почему-то бьется одновременно и вяло и быстро. Я добираюсь до первой попавшейся двери, к которой меня привела несчастная судьба, и прохожу через нее, даже не потрудившись открыть. Когда вся материя состоит из жужжащих частиц света, в подобных формальностях нет необходимости. Окинув пространство беглым взглядом, я замечаю состоящие из тех же фиолетовых молекул столы и стулья. Должно быть, это ресторан. Я не вижу никаких телесных очертаний, так что заведение, скорее всего, закрыто. Пробираюсь в заднюю часть комнаты, все еще чувствуя, будто мои ноги скованы грязью, и почти дохожу до кухни, когда мое внимание привлекает ближайший, полностью сервированный стол. Мой взгляд останавливается на четырех зубцах и длинной ручке. Вилка. Хотя я способна видеть ее только как силуэт движущегося, жужжащего фиолетового света, зубчатый кончик мне незнаком. Готова поспорить, что это серебро. Будь у меня сейчас настоящий нос, его бы покалывало. Я бросаю взгляд на Подаксиса, все еще прижатого к моей груди. К счастью, он совершенно не осознает, что происходит, иначе точно бы сказал мне не делать того, что я задумала.

– У меня есть еще несколько минут, – говорю я голосом, который звучит слишком ровно для меня. С улыбкой, которая очень медленно расплывается на губах, что совершенно не соответствует моему возбуждению, я пробираюсь к вилке и кладу ее в карман.

Мой желудок сжимается, а давление за веками начинает нарастать.

– Ракушки, – бормочу я. Мой голос снова звучит неправильно в моих ушах. – Думаю, несколько минут истекли.

Твердо глядя вперед, чтобы избежать дальнейших искушений, я выхожу из ресторана и мчусь через кухню. Правда, вместо «мчаться» больше подойдет «ползти». Или «бултыхаться». Бег, который на самом деле не является бегом. Давление в моей голове продолжает нарастать, покалывая каждую фиолетовую частицу, из которой состоит моя плоть, кровь и сухожилия. Мои движения начинают замедляться, ноги кажутся слишком тяжелыми, а ступни слишком толстыми. Но дверь всего в нескольких шагах.

Фиолетовый свет начинает рассеиваться, сквозь него проступают другие цвета. Частицы становятся толще, их жужжание замедляется. Я подхожу к двери и толкаю ее, обнаружив, что она гораздо более прочная, чем та, которую я до этого прошла насквозь. Тем не менее я продолжаю пытаться, отталкивая молекулы, которые когда-то были размером с булавочную головку, а теперь больше похожи на грейпфруты. Мое зрение затуманивается как раз в тот момент, когда рукой я прорываюсь на другую сторону. Собрав оставшиеся силы, я вытаскиваю себя, дуюм за дюймом, вдох за вдохом.

Наконец, я прорываюсь, а мир вокруг возвращается в нормальное русло.

Хватая ртом воздух, я прислоняюсь к стене рядом с дверью ресторана. Никак не могу заставить себя открыть глаза, но тишина в сочетании с затхлым запахом гнили, проникающим в ноздри, наводит на мысль, что я нахожусь в переулке за зданием.

– О, ради любви к ракушкам, – говорит Подаксис. – Ты снова это сделала? Тебе действительно следует научиться себя сдерживать.

Я крепче сжимаю друга и опускаюсь на землю. Слезы текут по щекам, пока я пытаюсь отдышаться.

– Ты же сам говорил, что не хочешь возвращаться в тюрьму, – выдавливаю я из себя. Мое горло горит, а голос такой же слабый, как и конечности. Тело сотрясает внезапный озноб. На то, почему я продолжаю воровать старомодным способом вместо того, чтобы использовать свою странную способность проникать в Двенадцатое королевство, есть веская причина.

В молчании Подаксиса я чувствую его желание отругать меня, но вместо этого друг прижимается ближе и похлопывает меня клешней по плечу.

Проходит несколько минут, прежде чем я прихожу в себя. Удостоверившись, что могу продолжить путь, я открываю клапан своей сумки и позволяю Подаксису забраться внутрь, а затем поднимаюсь на все еще дрожащие ноги. Я осторожно пробираюсь к выходу из переулка, который находится на противоположной стороне от того места, где меня чуть не поймали. Надеюсь, патрульные уже прекратили поиски. Они, наверное, все еще удивляются, как это я умудрилась в мгновение ока исчезнуть. Не обнаружив никаких признаков погони по обе стороны улицы, я жду, пока мимо пройдет группа подвыпивших молодых людей, одетых только в легкие рубашки, и следую за ними, придавая своей походке больше развязности в попытке смешаться с толпой.

Через несколько кварталов я добираюсь до улицы Ориона и отделяюсь от группы. Здесь, вдалеке от потрясающего зрелища, которым является улица Галлей, довольно тихо. Вместо высоких отелей, элегантных театров и показывающих свои таланты уличных артистов здесь расположены всякие диковинки: уникальные галереи, малоизвестные музеи восковых фигур, а также открытые совсем недавно кафе и клубы. Возможно, самым молодым из заведений является театр прозы «Стервятник», который я к тому же называю домом.

Я добираюсь до театра, чей фасад с облупленной черной краской сразу бросается в глаза. По крайней мере, вывеска над дверью новая. На ней свежеекрасшенными красными буквами написано «Проза стервятника» с прислонившимся к букве «А» в слове «проза» одноименным рыжим пернатым в балетной пачке.

Войдя, я нахожу главный зал пустым. На сцене темно, ни одного зажженного огонька. Последнее представление закончилось еще в десять, и все посетители давно ушли, так что необходимости тратить драгоценный свет не осталось. Не то чтобы мы вообще когда-либо тратили электричество впустую.

Вместо этого мы предпочитаем использовать почти архаичное газовое освещение. Даже если электричество легко получить от лей-линий² магии фейри, что пересекают остров, его использование все равно стоит больших денег. По словам мистера Таттла, менеджера «Прозы стервятника», театр нуждается еще во многих улучшениях, прежде чем электричество станет приоритетом. Только попробуйте возразить, и он будет продолжать причитать о том, как в его дни зрители испытывали благоговейный трепет не от трюков причудливого освещения, а от невероятной игры актеров.

Так что излишне говорить, что я научилась не спорить с ним о стоимости света.

Я уже преодолеваю половину комнаты, когда до моих ушей доносится чей-то смех. Из-за кулис выходят четыре фигуры, и их лица загораются, когда они замечают меня.

– Перл, – говорит Мартин с сияющей улыбкой. Светловолосый мальчик, полуфейри, подходит ко мне, засунув руки в карманы, и остальные трое – Надя, Клаус и Стэнли – следуют за ним. Мартин сдает карты в клубе на другом конце улицы Ориона, а остальные – такие же жители «Прозы стервятника», как и я. Однако эти трое являются постоянными артистами театра, в то время как я просто воришка, что помогает финансировать их художественные проекты.

---

² Лей-линии – единая сеть предположительно силовых линий энергетического поля земного шара, соединяющих древние священные места.

Мартин неловко переминается с ноги на ногу и смотрит на меня из-под ресниц. Несколько недель назад мы провели вместе пару ночей. С тех пор он ведет себя все более внимательно, из-за чего я стараюсь не чувствовать себя слишком польщенной. Ему прекрасно известно, что наши отношения не могли долго длиться.

– Приветствую, Мартин, – говорю я, сохраняя официальный тон.

Кажется, его совсем не смущает отсутствие теплоты в моем голосе.

– Мы идем в «Медовый домик». Не хочешь с нами?

«Медовый домик» – это малоизвестный трактир, в котором подают только одну вещь – грушевую медовуху. Там также можно найти вино, экстракт, порошок и несколько других форм галлюциногенных плодов фейри.

Я притворно зеваю.

– Нет, спасибо. Думаю, сегодня я просто лягу спать пораньше. У меня выдался долгий вечерок. – Несмотря на лучшее самочувствие, чем после возвращения из Двенадцатого королевства, ощущение, что вечер действительно тянулся бесконечно. Но разве не все они такие? Так что по большей степени я просто не хочу давать Мартину ложную надежду.

Его лицо вытягивается.

– Ты уверена? – В его глазах я вижу все, что он оставляет невысказанным. Все, что он хочет услышать от меня: что ему следует оставить своих друзей и, возможно, лечь пораньше вместе со мной.

Но я не собираюсь этого говорить. Мне вообще не следовало с ним заигрывать. Романтика и смертельные поцелуи не являются рецептом крепкой пары.

– Уверена. Но все равно желаю вам приятно провести время.

Я отступаю в сторону, но Мартин скользит пальцами по моему предплечью. Выражение его лица становится умоляющим.

– Да ладно тебе...

– Она не обязана идти, если не хочет, – вмешивается Надя, подходя ко мне, и бросает на Мартина многозначительный взгляд, пока тот не отпускает мою руку. Затем она с теплой улыбкой поворачивается ко мне. – Это не значит, что я не хочу, чтобы ты составила нам компанию. И ты тоже, Подаксис.

Я смотрю вниз и вижу, как мой друг выглядывает из сумки. От грибов на его панцире исходит слабое сияние, хотя обычно они вообще не светятся.

– Как-нибудь в другой раз, – говорю я намного более любезным тоном, чем тот, что использовала с Мартином.

– В следующий раз, – говорит она, подмигивая, и направляется к двери. Клаус обнимает Стэнли за плечи и посылает мне воздушный поцелуй, в то время как его товарищ машет мне на прощание. После чего парочка уходит вслед за Надей. Мартин задерживается. Он открывает рот, но прежде, чем успевает произнести хотя бы слово, я протискиваюсь мимо него, чтобы уйти за кулисы. К счастью, он не следует за мной, но мое сердце все равно замирает. Скоро нам придется откровенно поговорить, и я не жду этого разговора с нетерпением.

Я нахожу мистера Таттла в его кабинете – комнате со старым шатким столом и покосившимися шкафами для хранения документов, которая, я почти уверена, когда-то должна была стать кладовкой для швабр. Подаксис вылезает из моей сумки, и я ставлю его на пол. Грибы на его панцире перестали светиться и вернулись к своим обычным розовым, синим, красным и зеленым оттенкам. Мне любопытно, что вызвало этот короткий приступ люминесценции, но пока что у меня есть дела поважнее.

– Что ты сегодня принесла, дорогая Перл? – спрашивает мистер Таттл, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Я бросаю взгляд через его плечо и вижу, как он пересчитывает марки и фишки – валюту Звездного королевства. Мистер Таттл – пожилой джентльмен лет семидесяти и человек в прямом смысле этого слова. Его морщинистая кожа напоминает мне

морского слона, а редкие седые волосы – потрепанных ветром чаек, за которыми я обычно наблюдала из своей лагуны.

– Только несколько блестящих вещиц, – говорю я, высыпая содержимое своей сумки на его стол: пара карманных часов, три кошелька с деньгами, браслет, ожерелье и две серьги от разных наборов. Мистер Таттл отодвигает цитриновые марки в сторону и подносит к глазу лупу. Одну за другой, он осматривает каждую находку, одобрительно хмыкая. На этот раз никаких вздохов благоговения, потому что я редко приношу что-то чрезвычайно ценное. В нашей работе это считается хорошей тактикой. Что-нибудь слишком впечатляющее может привлечь к нам нежелательное внимание.

Закончив осмотр, мистер Таттл снова берет в руки ожерелье, украшенный крошечными аметистами большой кулон на медной цепочке.

– Мадам Лилиан это понравится, – говорит он с кривой усмешкой.

Я приподнимаю бровь.

– О, уверена, что так и будет, но не позволяйте ей уговорить вас и в этот раз, мистер Таттл. Последнее ожерелье вы продали ей за половину того, что, как сами сказали, могли бы за него выручить

Он смотрит на меня, и я почти вижу звезды в его глазах.

– Ничего не могу с этим поделать, Перл. Она же волшебница.

Я издаю лающий смешок.

– Она шарлатанка, и вы это знаете.

– Тогда почему я не могу мыслить здраво, когда она рядом?

– Потому что у нее очень эффектное декольте, мистер Таттл.

– По-моему, ничего необычного в ее декольте нет, – бормочет Подаксис у моих ног.

Я поворачиваюсь к своему другу.

– Нет, формы у нее фантастические.

Это чистая правда. Природа одарила мадам Лилиан формами, по размеру превышающими даже голову гренландского тюленя. Чего бы я только ни отдала, чтобы иметь такие же. Или хотя бы часть того восхитительного жира, который у меня есть в форме тюленя. Но сейчас не об этом.

Мистер Таттл вздыхает.

– Так и есть, они фантастические.

Я поворачиваюсь к старику и бросаю на него многозначительный взгляд.

– Теперь вам лучше дать мне обещание. Я же феяри, так что легко могу заставить вас его исполнить. – Я подмигиваю, чтобы показать, что всего лишь шучу. Хотя в мире феяри обещания действительно могут стать обязательством, нарушение которого приведет к ужасным последствиям. Мистер Таттл знает, что я не из тех, кто торгуется.

Он со стоном закатывает глаза.

– Отлично. Я не позволю мадам Лилиан купить это ожерелье меньше, чем за... двадцать пять цитриновых марок.

– Пятьдесят.

– Сорок.

– Отлично. Сорок. И это окончательная цена.

Мистер Таттл усмехается. Происходящее его явно забавляет.

– Ты просто невероятно жестока, Перл.

– Это для вашего же блага. Не говоря уже о благе «Прозы стервятника».

С моими последними словами мистер Таттл поспорить не может. Он несет ответственность за продажу наших так называемых сокровищ местным магазинам и сувенирным лавкам. Все вырученные деньги идут на финансирование театра. Мадам Лилиан – одна из постоянных клиенток мистера Таттла. Эта женщина покупает у нас краденые товары, а затем перепродает

их доверчивым туристам под видом защитного амулета или зачарованного браслета, который принесет настоящую любовь. До чего же нелепо. Если мистер Таттл продолжит позволять этой дамочке водить его за нос, «Проза стервятника» никогда не увидит чудес современного электричества.

– Очень хорошо, просто прекрасно. – Со смешком, мистер Таттл вручает мне пять цитриновых марок – оплату ночной работы, – а затем прогоняет меня из кабинета.

Я кладу вырученные деньги в карман и вприпрыжку направляюсь глубже за кулисы.

– Время отправиться в постель? – спрашивает Подаксис, слегка зевая.

– Нет. – Я прохожу мимо узкого коридора, ведущего к спальням, и направляюсь прямо к задней двери, ведущей в переулок. – Мы отправляемся на прогулку.

Подаксис тревожно постукивает клешнями, а его ножки стучат по деревянному полу.

– Но ты сказала Мартину, что... никуда не собираешься.

– Тогда я так и думала, но потом изменила свое мнение. – Я открываю дверь, ведущую в тихую ночь и в место, которое манит меня. Закрыв глаза, пытаюсь представить шум волн и соленые брызги на своей коже. Снова распахнув веки, вижу, что Подаксис наблюдает за мной из тени своего панциря.

– Что?

Он издает ворчливый вздох.

– Для фейри, которая не умеет лгать, ты пугающе хороша в этом.

Глава III

Добравшись до мыса Вега, мы оказываемся в тихом одиночестве. Только черное небо, полумесяц и мягкий ветер. Если не оглядываться назад, где центр Люменаса, несмотря на расстояние в милю, сияет так же ярко, как маяк, я могу притвориться, что нахожусь далеко от цивилизации. Туристы приезжают в Люменас не ради пляжа, а это значит, что мыс почти всегда пуст. Тем не менее я все еще не решаюсь приходить сюда днем. Только ночью, когда луна становится всего лишь полоской света.

Я подхожу к краю утеса, с которого открывается вид на волнующий ветром океан, и делаю глубокий вдох. Соленый на вкус воздух пахнет домом. Я закрываю глаза, пытаюсь представить, что нахожусь совсем не здесь, а там, где хотела бы быть, – во дворце Бершарбор.

Хотя внутри самого дворца я никогда не проводила много времени. Бершарбор расположен на самом краю Осеннего королевства, на утесе, что возвышается над восточными морями владений моего отца. В детстве сухой воздух помещений, душная политика и хождение на двух ногах не привлекали меня. Я предпочитала вести жизнь тюленя на песчаном пляже под дворцом или в моей маленькой лагуне у подножия утеса. Защищенная коралловой стеной лагуна была идеальным местом, где юная шелки могла поплавать без опасностей открытого океана. Устав плавать, я грелась на теплых от солнечных лучей камнях, играла с Подаксисом или прижималась к своим братьям шелки. При этой мысли мое сердце сжимает тоска.

– Ты уверена, что это разумно, Мэйзи?

Я открываю глаза и отгоняю мысли об игривых братьях и сестрах, и моей кристально-голубой лагуне.

По крайней мере, у меня есть Подаксис. Учитывая, что мы росли вместе с самого детства, я могу считать его не только моим лучшим другом, но и братом. Он осиротел, когда его родители погибли от зубов акулы. Мой отец нашел его и доставил домой, чтобы малютка стал моим компаньоном. Мы привязались друг к другу, как рыбы к воде, и с тех пор были неразлучны.

Подаксис вылезает из моей сумки, и я ставлю его на землю. Поскольку мы совсем одни, я не напоминаю ему о запрете использовать мое настоящее имя.

– Разумно? Не припомню, чтобы приходила сюда за мудростью.

Он смотрит на меня и тревожно постукивает клешнями.

– Просто тебе не следует находиться так близко к океану. Знаешь, я тут подумал, что приезжать в Люменас было плохой идеей, учитывая, как недалеко этот город от моря.

В этом Подаксис прав. Когда я пустилась в бега и приехала в Люменас, он не скрывал своего беспокойства. Я бы тоже волновалась, если бы не слухи, что ходили об этом месте. Каждый, кто упоминал Люменас в разговоре, настаивал, что это идеальное место, чтобы исчезнуть и начать жизнь заново. Город блеска, красоты и разврата, дарящий в равной степени возможности и для художников, и для аристократов, и для воров. Место, где можно легко затеряться в кишасей толпе. Услышав все это, я решила рискнуть.

И риск оказался оправданным. Я живу в Люменасе уже больше года и ни разу не была близка к тому, чтобы меня поймали те, от кого я так сильно старалась убежать. Не считая того единственного раза в тюрьме, конечно.

Но тогда была простая ошибка новичка.

– Подаксис, кто может меня здесь увидеть?

– Здесь могут прятаться... хулиганы, – говорит он, хотя по тону понятно, что и сам слабо верит в сказанное.

– Единственные хулиганы здесь – мы, – хихикаю я, переводя взгляд с одной стороны пляжа на другую, наблюдая линию возвышающихся над берегом валунов, из которых состоит выстроенная по периметру Фейривэя магическая стена. Каждый камень, по крайней мере, в

два раза выше и в три раза шире меня, а щель между ними не более пятидесяти футов. Эти валуны, призванные защищать остров от внешних угроз, выстроились вдоль скалистого берега так далеко, насколько я только могу видеть. Самая большая армия в мире не смогла бы пробить наполненную невидимой магией стену, потому что только чистокровные фейри способны пройти сквозь нее. Так принято с тех пор, как закончилась последняя война между людьми и фейри. По крайней мере, так рассказывал мне отец. Война закончилась около двадцати двух лет назад, а я родилась только через несколько лет после этого. Но легенды гласят, что когда-то камни служили барьером, отделяющим земли людей на юге от царства фейри на севере. После того как человеческая армия напала на Фейривэй, стремясь уничтожить все живое на острове, чтобы сгубить всех фейри, мы восстали и одержали победу. Вот тогда-то и передвинули эти камни. Вместо того, чтобы образовывать стену, разделяющую два вида, они стали защитным периметром, позволяющим людям и фейри жить вместе. Теперь люди не могут ни посетить, ни покинуть остров без сопровождения фейри, что очень строго контролируется.

Для фейри, даже морской, за пределами каменной стены мало привлекательного. Волшебство стены простирается не так уж далеко в океан, а фейри не могут жить без магии.

Что касается этой стороны, на мысе Вега немного вещей, способных привлечь таких, как я. Под обрывом только кусочек берега, а на нем не шикарный песок, а камни. Выглядывающие из воды валуны, чьи зазубрины покрыты ракушками. Вряд ли здесь найдется пляж, на котором шелки могли бы сбросить шкуру и потанцевать, не говоря уже о подходящем насесте для русалок и сирен. Здесь я одинока в лучшем смысле этого слова.

Я поднимаю подбородок и придаю уверенности своему голосу.

– Королева Нимуэ не найдет меня здесь. – Я пытаюсь притвориться, что звук ее имени не вызывает у меня дрожи. Возможно, мне следовало использовать одно из ее прозвищ. Как и город Люменас, эту женщину знают многие.

Неблагая королева моря.

Королева-убийца.

Морская ведьма.

Заклятый враг отца.

– Если даже твой отец боялся ее, тебе тоже следует, – говорит Подаксис. – Не могу представить, что может напугать короля в его собственном океане. Ты должна быть очень осторожна.

– Я и так осторожна.

– Как скажешь, Перл.

Со вздохом я сажусь и слегка вытягиваю ноги над краем обрыва. Подаксис садится рядом со мной. Я снимаю шляпу и позволяю своим коротким розовым волосам развеяться на ветру. Я наслаждаюсь лаской, танцующей в каждой пряди. После того, как весь день прятала волосы, это кажется таким же приятным, как хороший массаж. Несмотря на то что в Люменасе я чувствую себя в безопасности, прятать волосы – простая мера предосторожности. Не то чтобы розовые, как сахарная вата, волосы являются чем-то необычным для фейри. Известно, что у моего вида волосы могут быть любых оттенков. Только вот если к розовым волосам прибавить золотисто-коричневую кожу и обильную россыпь веснушек... Что ж, это немного сужает круг подозреваемых. Не забудьте еще и ракообразного друга, и я почти поймана.

А если меня поймают...

От этой мысли мне становится трудно дышать.

«Она сделает из тебя убийцу, Мэйзи, – эхом отдается в моей голове голос отца. – Если королева Нимуэ узнает, что ты владеешь магией смерти, она выследит тебя. И не остановится, пока не сделает тебя одной из своих наемниц. После такого я не смогу жить. Ты не убийца, дитя мое. Я не смогу смотреть, как из тебя делают чудовище...»

Стиснув зубы, я стараюсь отделаться от подобных мыслей и лезу в карман пальто. На моих губах расплывается улыбка, когда я достаю гребень в форме раковины. Провожу пальцами по гладкому перламутру и наблюдаю, как звездный свет отражается от серебряных зубьев.

Подаксис постукивает когтем по травянистой земле, и каждый глухой удар наполнен упреком.

– Вижу, ты не отдала это мистеру Таттлу.

– Нет. – Игнорируя осуждающий взгляд его глаз-бусинок, я зачесываю одну сторону волос за ухо и закрепляю их гребнем так, что они перестают хлестать меня по глазам. – Подстричь волосы было лучшим выбором, который я когда-либо делала.

– Ты часто это говоришь.

– Потому что это правда. – Я снова лезу в карман и на этот раз достаю другое сокровище.

При виде украденной вилки Подаксис ахает:

– Я не видел, как ты ее взяла! Где ты ее нашла?

– В ресторане.

Я провожу пальцами по каждому из четырех зубцов, затем по выпуклому узору в виде раковины на рукоятке. Теперь, когда у меня есть время как следует ее рассмотреть, я удостоверяюсь, что это действительно чистое серебро. Мой нос дергается при виде, как вилка мерцает даже ярче, чем гребень для волос.

– Ты ведь помнишь, что по вашему с мистером Таттлом соглашению ты должна отдавать все, что украдешь?

– Я знаю условия нашего соглашения, Подаксис. Технически, мы не давали никаких связывающих обещаний, так что я предпочитаю думать об этом скорее как о предложении о сотрудничестве. Кроме того, я просто не могу дождаться момента, когда добавлю это в свою коллекцию.

Под коллекцией я подразумеваю полную столового серебра шляпную коробку, которую прячу под кроватью в театре. Если бы только мне не пришлось оставить свои прежние коллекции, когда я пустилась в бег. У меня было так много красивых вещей, которые я собирала в течение долгих лет.

– Что, скажи на милость, ты планируешь делать со своей коллекцией? Хм? Я знаю, что ты не собираешься ее продавать, хотя, могу предположить, вырученных денег хватило бы, чтобы профинансировать несколько недель выступлений «Прозы стервятника» или снять нам новое жильё.

– Меня устраивает наше нынешнее жильё. К тому же собирать блестящие предметы не преступление.

– Но красть их – да. Держать их под кроватью – значит оставлять повсюду улики.

Я чешу зудящее место на голове зубцами вилки.

– Я не храню все, что нахожу.

– Не находишь, а крадешь.

– Нет, не краду, а продаю, – говорю я. – Это не воровство, а скорее – взять вещь в одном месте, переместить ее в другое и получить от этого прибыль. По сути, я торговец.

Подаксис усмехается.

– Честное слово, не могу понять, как ты это делаешь.

– Как я делаю что?

Он снова постукивает ножками по земле.

– Лжешь.

– Если у меня получается произнести это вслух, значит, это не ложь.

– Полагаю, что нет. Но каким-то образом ты убеждаешь себя в том, что все сказанное правда, когда по факту оно таковое лишь частично, ведь ты вплетаешь в правду ложь. Это сводит с ума.

Я подмигиваю.

– Только потому, что ты не овладел искусством делать это сам. Это называется «талант».

– Я бы назвал это по-другому, – бормочет Подаксис себе под нос.

Между нами воцаряется тишина, и я думаю, что это может стать его последним аргументом. Хотя, зная Подаксиса...

– Почему ты не пошла на свидание с Мартином сегодня вечером? – Его тон меняется с осуждающего на нерешительно-любопытный.

Мои мышцы все равно напрягаются.

– С какой радости мне это делать?

– Я думал, он тебе нравится.

Я закатываю глаза.

– Едва ли.

Он неловко переминается.

– Похоже, он нравился тебе достаточно, чтобы... ну, ты знаешь.

Румянец заливаает мои щеки, когда ночи, проведенные с Мартином, заполняют мои мысли.

– Что ты можешь знать об этом? Только не говори, что подслушивал. Я же сказала тебе спать в другом месте, – я стараюсь говорить нейтрально, но в моем голосе слышатся истерические нотки, которые мне не удается скрыть. Подаксис – мой лучший друг, но мы не говорим об... *этом*.

– Я не подслушивал, – поспешно заверяет он. Затем выражение его лица становится мечтательным, а уголки крошечных глаз опускаются вниз. – Я остался в комнате Нади. Ты знала, что она поет, когда ложится спать? У нее прекрасный голос.

Я не могу не заметить тоску, проскальзывающую в словах моего друга. Это так трогательно и очаровательно, что я еле сдерживаю смех.

– Погоди-ка... тебе что, нравится Надя?

Подаксис щелкает на меня своими клешнями.

– Ну и что, если так?

– Надя – человек, Подаксис. Не думаю, что ее вид слишком высокого мнения об отношениях с крабом.

– Я не... Я не краб. Я грибной эльф.

– И все же, если хочешь произвести на нее впечатление, думаю, тебе придется преодолеть собственные предубеждения и принять благую форму.

– Предубеждения?! Я? У меня нет никаких предубеждений. Я совсем не возражаю против благой формы.

– Тогда почему ты не менялся раньше?

Он трясет передо мной когтем.

– Ты меняешь тему разговора. Мы говорили о тебе, Мэйзи. Тебе нравился Мартин. На протяжении двух недель я наблюдал, как на твоём лице появляется улыбка каждый раз, когда он рядом. Было приятно снова видеть тебя такой счастливой.

Я качаю головой, стараясь не вспоминать, какими приятными на самом деле были эти две недели. Не то чтобы я что-то чувствовала к Мартину. Скорее, просто наслаждалась физической близостью с мужчиной... и тем, что мы делали.

– Он слишком тощий. Мне нравятся люди с небольшим количеством жира на костях.

– Ты говоришь так о каждом юноше, в которого пытаешься не влюбиться. Еще что они скучные. Или обладают индивидуальностью сухих водорослей.

– Последнее я сказала только о принце Франко.

И это было чистой правдой. До того, как я сбежала, отец считал, что лучший способ уберечь меня от королевы Нимуэ – выдать меня замуж за члена королевской семьи, правящей

на суше. Вот тут-то и появился принц Франко из Лунного королевства. Тем не менее он был вампиром, способным прочесть каждую эмоцию, каждую ложь... Не лучшая партия для кого-то с таким количеством секретов, как у меня. Даже если бы я смогла убедить его жениться на мне, что бы он сделал, узнав, что мой поцелуй способен его убить?

Нет. Брак, романтика, любовь... все это не для меня. Голос Подаксиса смягчается:

– Разве ты не хочешь перестать убегать?

– Я убегаю только тогда, когда меня вот-вот поймают полицейские.

– Ты знаешь, о чем я. Мне казалось, мы приехали сюда, чтобы остепениться и начать новую жизнь.

Я снова и снова верчу вилку в руках, чтобы скрыть, как меня раздражают его вопросы. Чем ближе Подаксис подбирается к правде, тем труднее мне становится дышать.

– Да, знаю, но это не значит, что я должна подлизываться к каждому юноше, который строит мне глазки.

– Мэйзи, твой отец хотел бы, чтобы ты была счастлива...

Вот так просто в моем тщательно построенном фасаде образуется трещина. Прямо в центре моего сердца.

– Чего ты добиваешься, Подаксис? – Мой голос срывается на его имени. – Хочешь, чтобы я признала, что несчастна? Что мне невыносимо грустно? Что я скучаю по отцу и братьям? – Он съеживается, от смущения широко раскрыв глаза, но ничего не говорит. Моя нижняя губа начинает дрожать. – Ты хочешь, чтобы я призналась, что мне одиноко?

– Тебе не обязательно быть одинокой, – шепчет Подаксис. – Я знаю, что меня недостаточно...

– Вполне достаточно, – обрываю я, яростно вытирая скатывающуюся слезу.

– Нет, Мэйзи, недостаточно. Возможно, мы выросли вместе и стали лучшими друзьями, но тебе нужен еще кто-то, кроме меня. Тебе нужны другие друзья. Может быть, даже любимый.

– Ты знаешь, почему мне запрещено влюбляться. Почему я не должна была позволять себе заходить так далеко с Мартином.

Я закрываю глаза и в отчаянии откидываю голову назад. Меня расстраивает не Подаксис, а я сама. Это я пригласила Мартина в свою постель. До побега я снимала свою тюленью шкуру всего нескольких раз, потому что почти не покидала пляжа, на котором провела всю свою жизнь. Я была защищена, хотя даже не знала об этом. А затем приехала сюда, в Люменас, где новые впечатления и ощущения кроются на каждом углу. И узнала многое о существовании того, о чем даже не подозревала. Любопытные вещи, которые я, будучи тюленем, не понимала. Такие вещи, как флирт и занятия любовью просто ради удовольствия, а не для продолжения рода. Пару недель назад я решила, что хочу знать, на что это похоже, а Мартин согласился стать добровольцем. Честно говоря, я была удивлена, насколько быстро он смирился с моими условиями: никаких поцелуев и никаких привязанностей. В соблюдении первого правила он преуспел, но второе явно нарушил и стал слишком настойчивым. Я начинаю подозревать, что значение слова «нет» ему неизвестно.

– Почему тебе запрещено влюбиться? Потому что ты не можешь кого-то поцеловать?

Я бросаю на Подаксиса суровый взгляд.

– Да, потому что я не могу поцеловать кого-то, при этом не убив его. Не забрав чью-то невинную жизнь. Еще раз.

Подаксис постукивает своими клешнями. Уверена, он раздумывает, стоит ли говорить что-то еще.

Когда он все же решается продолжить, его голос едва громче шепота:

– Вряд ли можно назвать Лютера невинным.

От этого имени у меня скручивает живот.

– Мэйзи, – Подаксис нежно хлопывает меня по колену. – Ты не хотела его убивать.

– Это не имеет значения, – отвечаю я хриплым, надрывающимся голосом, поднимаюсь на ноги и отступаю в сторону от своего друга. – Любить меня смертельно опасно. Я не могу так рисковать.

– Так вот как ты хочешь провести остаток своей жизни? Воровать, чтобы выжить, и держать всех на расстоянии вытянутой руки?

Чего я хочу, так это спокойно прожить свою жизнь, не беспокоясь о том, что королева Нимуэ найдет меня и попытается использовать мою смертоносную магию. Только я не могу заставить себя произнести это вслух, потому что тогда возникнет еще больше вопросов. Еще больше неприятных воспоминаний. Как, например, тот факт, что я фейри и, если не получу смертельную рану одним из немногих способов, которые могут нас убить, буду жить вечно.

И та, кто охотится за мной, тоже.

Я не просто так называю свой план «прятаться *вечно*».

Этот факт пугает только тогда, когда задумываешься, насколько долгой может быть вечность. Неудивительно, что отец хотел выдать меня замуж за члена королевской семьи на суше. Сделай я это, все изменилось бы. Мне не пришлось бы прятаться и воровать. Я больше не принадлежала бы к Морскому королевству, а королева Нимуэ не посмела бы забрать меня из королевского дома, расположенного на суше.

Но я уже смирилась, что этот брак не мог состояться. Не в моем случае.

Никогда.

Я смотрю на море, и в глазах рябит от отблеска лунного света на воде.

– Я просто хочу выжить.

– Знаешь, в жизни есть нечто большее, чем...

– Святые ракушки, что это такое? – Я напрягаюсь, когда понимаю, что смотрю вовсе не на лунный свет, а на что-то другое. То, чего там быть не должно. Я на мгновение зажимаюсь, но отрицать увиденное просто невозможно. – Пожар.

Глава IV

Ночь такая темная, что я едва могу разглядеть завитки дыма, поднимающиеся в небо над местом кораблекрушения. Хотя отсюда корабля не видно, я точно знаю, что он там есть. Пожар относительно невелик, поэтому судно, думаю, не больше двухмачтовой шхуны. Несмотря на отсутствие вокруг торговых портов, близость его к берегу наводит на мысль, что оно направлялось в док. Даже если кораблекрушение произошло по эту сторону стены, окружающее его море сохранило часть магии острова. Это означает, что несчастье произошло в водах фейри, что оставляет два возможных варианта развития событий. Первое: кораблекрушение было несчастным случаем, а второе: следствием нападения.

И атаковали фейри.

Если так, было ли это законно? При приближении неизвестного судна к Фейривэю фейри имеют полное право остановить его любым способом.

Но если его заманили в коварные сети...

Нет, есть несколько гораздо более вероятных возможностей. Например, это торговое судно, которому одобрили въезд на остров, но капитан неправильно рассчитал координаты. Или это рыбацкая лодка, столкнувшаяся с беспокойным морем, отправившим ее далеко от специально отведенных для рыбалки вод. А что, если поврежденная шхуна просто ищет безопасную гавань для ремонта?

Мой желудок сжимается. Если случилось что-то из этого, то нападение фейри может только усугубить ситуацию, ведь на борту могут находиться невинные люди.

– Это не твое дело, Мэйзи, – предупреждающе говорит Подаксис. – Нам пора уходить. Если это несчастный случай, кто-нибудь обязательно придет на помощь.

– Знаю, – говорю я, но обнаруживаю, что приросла к месту, не в силах отвести взгляд. Что, если он ошибается? Что, если только я заметила этот огонь? Поскольку с мыса Вега вид открывается так далеко, никто к востоку от Люменаса не сможет разглядеть пламя, а к западу отсюда есть только несколько прибрежных городов, расположенных достаточно близко, чтобы заметить кораблекрушение.

– Я знаю этот взгляд, – начинает Подаксис. – Ты не можешь так рисковать.

Он прав, но мое сердце все равно пропускает удар. Это не первое кораблекрушение, свидетелем которого я стала. Дома, со своего пляжа, я видела еще несколько. Всякий раз, когда подобное происходило в водах возле дворца Бершарбор, мои братья плыли туда, чтобы помочь. Иногда к ним присоединялся даже отец. Были ли моряки людьми или фейри, не имело значения. Как благой король Морского королевства, отец всеми силами старался поддерживать мир между людьми и фейри, чему способствовало спасение человеческих жизней при любой возможности. В отличие от Нимуэ, неблагодарной королевы Морского королевства, которая, вероятно, стала причиной большей части кораблекрушений, которые мне довелось увидеть за свою жизнь. Ее не просто так называют Королевой-убийцей. По крайней мере, так всегда говорил мой отец. И, в отличие от нее, когда дело доходило до спасения людей, он никогда не оставался в стороне и не успокаивался, пока не будет найден каждый выживший.

Но сейчас... кажется, никто не спешит на помощь этому кораблю. Похоже, никто даже не замечает пожара.

Никто, кроме меня.

По мере того как корабль все больше и больше уходит под воду, мое настроение становится все более мрачным. Скоро поглощенное огнем судно опустится на морское дно. Ничего, кроме щепок, не останется, чтобы доказать, что оно вообще когда-то было здесь.

И все, что я могу делать, это стоять и смотреть. Быть свидетелем смерти. Если рискну сделать что-нибудь еще, то могу попасться Нимуэ. Если корабль атаковали фейри, они все еще могут быть поблизости. И если они увидят меня, узнают...

Подаксис дергает меня за брюки.

– Нам пора идти.

– Ракушки, – чертыхаюсь я себе под нос. – Ты прав.

Сжимая пальцы в кулаки, я собираюсь с силами и начинаю отворачиваться, но мое сердце колотится в знак протеста. Но только теперь уже скудное пламя скрывается из виду, как краем глаза я замечаю темную фигуру, движущуюся в воде. Я замираю. А затем поворачиваюсь и подхожу так близко к краю обрыва, как только осмеливаюсь. Я щурюсь, чтобы разглядеть, что именно плещется между волнами. Но фигура исчезает. Я хмурюсь, уверенная, что видела что-то...

Снова движение, на этот раз ближе. Силуэт напоминает голову и размахивающие руки. У меня перехватывает дыхание.

– Там человек.

– Где?

Я указываю в нужном направлении, но фигура уже скрывается под волной.

– Он тонет.

– Ты ему ничего не должна. Если заплыл так далеко, доберется до берега самостоятельно.

Он прав только в том случае, если выживший является чистокровным фейри. Если он человек или фейри только наполовину, ему не удастся пройти через магическую стену без должного сопровождения. Даже если речь идет о фейри, они ведь тоже могут утомиться. Море кажется относительно спокойным, но, учитывая, как далеко фигура находится от места крушения, она уже проплыла приличное расстояние, но все равно преодолела только полпути до берега. Еще большее беспокойство вызывает то, сколько времени прошло с тех пор, как выживший показывался на поверхности воды. Будь то человек или фейри в благой форме, я сомневаюсь, что он протянет под водой еще хоть немного.

Я прикусываю губу, ожидая увидеть, как снова покажется фигура. Секунды тикают. Одна. Две. Три.

Четыре.

Голова снова показывается на поверхности, но на этот раз только на мгновение.

– Ракушки, – стискиваю я челюсти и сбрасываю пальто, жилет и ботинки, оставаясь в одной рубашке и брюках с подтяжками.

– Мэйзи, нет! – кричит Подаксис, когда я начинаю спускаться по склону утеса. – У тебя даже нет с собой тюленьей шкуры.

– Я отличный пловец, – говорю я, ступая на один скалистый выступ за другим. По правде говоря, я никогда не плавала в благой форме. Даже будучи тюленем, всего несколько раз выходила в открытый океан и не отплывала слишком далеко от берега. Я никогда раньше не помогала отцу спасать людей. В этом не было необходимости, когда рядом были мои старшие братья.

Ошеломляющее чувство того, что я веду себя неразумно, захлестывает меня, вызывая панику. Этого чувства почти достаточно, чтобы заставить меня передумать. *Почти.*

Но если я ничего не сделаю и позволю этому человеку умереть... чем я лучше убийцы?

Ты не убийца, дитя мое. Я не смогу смотреть, как из тебя делают чудовище.

Отец никогда бы не позволил моряку утонуть, если бы имелся хотя бы крошечный шанс его спасти. Я, возможно, не отличаюсь такой же отвагой или честностью, как отец, но он верил в меня. Даже узнав, что я сделала, он верил, что я не убийца.

Слезы наворачиваются на глаза от непоколебимости этой веры – веры, которой я теперь, невзирая на риск, обязана отдать должное уважение. Это придает мне уверенности, и я ускоряю шаг. Подаксис следует за мной по пятам, пробираясь по камням с гораздо большей легкостью.

Я спускаюсь вниз так быстро, как только осмеливаюсь, пока мои ноги наконец не наткаются на полоску скалистого берега. Не раздумывая ни секунды, я ныряю в море.

Вода мгновенно пропитывает мою одежду, обжигает кожу, как лед. Это совсем не похоже на то, что я чувствовала в шкуре тюленя. С ней у меня были утешительные слои жира для защиты от холодной воды и перепончатые ласты, чтобы с легкостью продвигаться вперед. Теперь же все кажется неправильным. Мои брюки и рубашка слишком тяжелые, а конечности слишком длинные, тонкие и холодные. Моя благая форма не создана для плавания так, как неблагая. В то время как с утеса волны казались мне мягкими, теперь они ощущаются сильными, а течение таким мощным, что вот-вот грозит разорвать меня надвое. На ужасающую секунду я сожалею о своем импульсивном решении спасти бьющегося в воде незнакомца, потому что это может в любой момент привести меня к смерти.

«Нет, океан не станет моей погибелью, – говорю я себе. – Даже в благой форме я все еще остаюсь шелки. А вода – их владения».

Паника не отступает, но мое тело расслабляется. Я закрываю глаза и перестаю бороться с течением. Вместо этого я сосредотачиваюсь на ощущении воды на моей коже. Не на том, насколько холодной она кажется или как неправильно чувствует себя мое тело в море. Я пытаюсь наладить новую форму отношений с водным пространством. Мои руки и ноги, хоть и не имеют ничего общего с лапами, все еще движутся сквозь волны, все еще встречают то сопротивление, к которому я привыкла.

Мои легкие горят, пока я пытаюсь найти нужный ритм, движение, которое подтолкнет меня вверх и вперед, чтобы глотнуть воздуха. И наконец-то я нахожу его. Мои руки прорезают путь вперед, а затем опускаются по сторонам – очень похоже на то, как плавают русалки. Мои ноги поначалу пытаются имитировать волнистые движения их хвоста, пока я продвигаюсь вверх. Тем не менее я обнаруживаю, что если вытяну ноги и оттолкнусь ими, то смогу получить столь необходимые силы для движения вперед. Возможно, моей технике не хватает элегантности, но вскоре я уже рассекаю воду почти с легкостью.

Как раз в тот момент, когда я думаю, что мои легкие вот-вот разорвутся в груди, мне удается вынырнуть на поверхность и сделать столь необходимый глоток воздуха. Продолжая плыть, оглядываюсь на берег, пытаюсь оценить, где нахожусь и как далеко заплыла: камни и берег все еще хорошо видны. После этого я ищу следы кораблекрушения. Сначала ничего не бросается в глаза, но через мгновение появляется вспышка света – почти догоревший огонь. Судя по моему расположению относительно берега и пожара, я должна быть рядом с тонущим моряком. Если он еще не ушел ко дну.

Держа голову над водой, я оглядываюсь по сторонам и проплываю еще немного вперед. Волны обрушиваются на мое лицо, затуманивая зрение. Куда бы я ни смотрела, моряка не видно.

Мое сердце замирает. Я потерпела неудачу. Зря рисковала собственной жизнью и безопасностью.

– Помогите, – доносится едва слышимый сквозь шум океана глубокий, но слабый голос.

Откуда исходит звук? Я отплываю все дальше от берега, оглядываясь по сторонам и напрягая слух, чтобы не обращать внимания на грохот волн.

До меня снова доносится:

– Помогите.

На этот раз он ближе. Яснее.

Я плыву туда, откуда слышится мольба, и замечаю в воде фигуру: голову и руки, слабо хватающиеся за деревянную доску. Это мужчина. Накатывает еще одна волна, уносящая его с собой. Я ныряю под воду и плыву к утопающему. Добравшись до того места, где видела его в последний раз, огибаю круг, разыскиваю в темных глубинах какие-либо признаки его при-

сутствия. Вскоре воздух в моих легких заканчивается, и я выныриваю на поверхность. Оглядываюсь по сторонам, но утопающего нигде нет. Нигде. Я жду. И жду. Прислушиваюсь. Снова и снова.

Ничего.

– Ракушки! – шлепаю я ладонью по поверхности воды. Он только что был здесь, а теперь его нет. Последняя волна, должно быть, забрала с собой все силы, что у него оставались. Я делаю глубокий вдох и ныряю. Вода жжет мне глаза, все видится в мрачных тонах, – в шкуре тюленя все совсем не так. В неблагоприятной форме я могу видеть под водой ясно. Теперь же я с таким же успехом могла бы быть слепой.

Секунды тикают. Я чувствую себя беспомощной, представляя, как моряк погружается все глубже и глубже на дно, отдаляясь с каждым ударом моего сердца. Если бы только он мог просто оставаться на месте...

Мой пульс учащается, когда в голову приходит идея.

Я вроде как знаю способ остановить время.

Это рискованно. Я редко отправляюсь в Двенадцатое королевство дважды за один день из-за того, какой ущерб наносит мне подобное путешествие, но я уже зашла так далеко, пытаюсь спасти этого моряка. Главным образом меня убеждает не сдаваться чистое упрямство, так что я не собираюсь опускать руки. Отец, как и мои братья, никогда этого не делали.

Поэтому я закрываю глаза.

И исчезаю.

Я никогда раньше не входила в Двенадцатое королевство под водой, поэтому меня удивляет то, как мало это отличается от моментов на суше. Мир становится фиолетовым. Все вокруг замирает, кроме движущихся, кружащихся частиц, из которых состоит вся материя. В почти неподвижном океане мое тело обретает новое ощущение невесомости. Если во время моего побега, в ресторане, я чувствовала, будто тащусь по вязкой грязи, то здесь обнаруживаю, что могу двигаться с немного большей легкостью и плавностью. Я расталкиваю частицы в стороны, пока плыву по воде, которая больше не является водой, рассекая замершие течения в поисках признаков жизни. В Двенадцатом королевстве фиолетовые частицы, из которых состоят живые существа, всегда отчетливее, поэтому я сосредотачиваюсь на самых ярких оттенках. Рыба здесь, угорь там. Миллиарды искр света блещут повсюду, но нет ничего похожего по размерам на человека. Я расталкиваю все больше и больше частиц, наполовину проплывая, наполовину проходя сквозь них.

Затем мои легкие начинают сжиматься.

Не от недостатка воздуха.

От того, что мое пребывание в Двенадцатом королевстве подходит к концу.

Я поворачиваюсь то в одну, то в другую сторону, двигаясь быстрее, несмотря на то, что зрение расплывается по краям. Моряк должен быть где-то здесь.

Частицы начинают становиться больше, плотнее, вибрируя все медленнее. Скоро время возобновит свой ход, а у меня, скорее всего, не хватит сил сопротивляться этому.

У меня нет выбора. Я должна вернуться на поверхность.

Мое сердце замирает от поражения, когда я начинаю плыть вверх, где частицы все еще ничтожно малы.

Вот тогда я и замечаю его.

Ярко-фиолетовое тело, дрейфующее слева от меня.

Я устремляюсь к нему, мои легкие горят все сильнее с каждым взмахом рук, с каждым ударом ног. В глазах у меня почти темно, когда Двенадцатое королевство начинает растворяться. Мой желудок сжимается, а горло саднит, на этот раз и от потребности в воздухе. Я протягиваю руку вслепую... и натываюсь на что-то твердое.

Хватаясь за все, что только можно – за руку, за ногу, – я поднимаюсь вверх, сквозь последние остатки застывшего времени. Мои движения перестают быть быстрыми и плавными. Но я почти на месте. Почти.

Мои губы заглатывают воздух как раз в тот момент, когда Двенадцатое королевство исчезает и оставляет морю шанс выбросить меня на берег.

Глава V

Я едва сохраняю здравый рассудок, когда возвращаюсь на пляж. Каждое движение – агония. Изнеможение от плавания в благой форме, последствия путешествия в Двенадцатое королевство, тяжесть потерявшего сознание моряка рядом со мной – все это оставляет меня едва способной передвигаться, и я помогаю себе лишь редкими и слабыми гребками. Только это удерживает нас от того, чтобы свернуть в неверном направлении и разбиться о скалы, расположившиеся под обрывом.

Каким-то чудом мои ноги в конце концов натываются на скалистый берег. Я падаю на спину, отпуская свой груз и позволяя ему рухнуть рядом со мной. Отворачиваюсь от моряка, откашливаясь водой и желчью. Слезы текут по щекам, когда рыдание вырывается из моей груди.

– Мэйзи, – доносится дрожащий голос Подаксиса рядом со мной, но у меня нет сил открыть глаза. – О, ваше высочество, вам не следовало этого делать.

– Возможно, – удается мне прохрипеть.

В течение нескольких мучительных минут я ничего не могу делать, кроме как лежать и конвульсивно содрогаться, переводя дыхание, набираясь хоть какого-то подобия сил, пока нежные волны омывают мои ноги. С каждой секундой тревога пронизывает меня все сильнее. Начинается отлив, так что можно без опасений оставаться на пляже, но меня волнует судьба человека, которого я спасла. Я должна найти в себе силы сдвинуться с места. Нужно перевернуться и убедиться, что он жив. Вздвигнув, поднимаю голову, которая кажется слишком тяжелой, но я заставляю себя перевернуться на другой бок.

Несколько раз моргаю, пораженная тем, как близко от меня спасенный моряк. Первое, что привлекает мое внимание, – круглые уши, свидетельствующие о том, что он, по крайней мере, наполовину человек. Это меня не удивляет, ведь я с самого начала сомневалась, что выживший в кораблекрушении может быть фейри. У нас мало причин выходить в море, даже в защищенных водах. Так кого же я спасла?

Я обращаю свое внимание на его лицо: глаза закрыты, рот слегка приоткрыт. Страх сковывает мой желудок.

– Он мертв?

Подаксис подбегает к моряку с другой стороны и постукивает когтем по его плечу. Мужчина не двигается.

– Не знаю, – говорит он с паникой в голосе. – Может, мне его ущипнуть?

– Не щипай. Мне нужно проверить его жизненную силу. – Я пытаюсь вспомнить все, что почерпнула из спасений, свидетелем которых когда-то была. Напрягая свои слабые конечности, я подтягиваюсь ближе, наполовину прижимаясь к груди моряка, и кладу пальцы у основания его горла, имитируя то, что, как я видела, делали мои братья. – Черт возьми, я не знаю, как это делать. Я ничего не чувствую, но, может быть, у меня просто пальцы окоченели.

– Я все еще могу его ущипнуть. Если этот парень жив, он точно закричит.

Игнорируя Подаксиса, я поднимаю руку мужчины, переворачиваю его ладонь, пока не нахожу нужное место на запястье. Опять же, не уверена, правильно ли все делаю, но прижимаю пальцы к складке под ладонью незнакомца. Я знаю, что мои братья таким образом проверяли, жив ли человек, но что они делали, если никаких признаков жизни найти не удалось?

Когда в моей голове проносятся воспоминания, ответ приходит быстро.

– Поцелуй жизни, – говорю я себе под нос. – Я не могу это сделать.

– Поцелуй? Зачем тебе целовать его, Мэйзи? Это абсурдно и в высшей степени нелогично.

– Нет, Подаксис. Разве ты не помнишь? Когда мои братья спасали, казалось бы, уже захлебнувшихся моряков, они прикладывали свои рты к их ртам и вдыхали в них жизнь. – Я бросаю взгляд на приоткрытые губы мужчины. – Но я не могу этого сделать, не убив его.

Подаксис стучит когтями.

– Может, нам стоит просто оставить его здесь?

– Нет, только не сейчас. Я уверена, что есть какой-то другой способ. – Я заставляю себя присесть и тру глаза, как будто это поможет мне увидеть решение. Как еще мои братья помогали тонущим людям? Я воспроизвожу последнее кораблекрушение, свидетелем которого стала. Это произошло много лет назад, но все же...

Я, будто бы сквозь туман, наблюдаю за воспоминанием. В нем мой младший брат подплывает к месту крушения в форме тюленя. Вот он возвращается с выжившим, снимает тюленью шкуру, проверяет жизненную силу на шее и запястье моряка, а после дарит ему поцелуй жизни, положив ладони на грудь моряка...

– Вот оно! – Я прижимаю руки к центру груди мужчины и пытаюсь имитировать движения из воспоминания. Я ожидаю, что грудь незнакомца с каждым разом будет подниматься и опускаться, но она тверда, как камень. – Это намного сложнее, чем казалось.

– Может, нужно прикоснуться к обнаженной коже.

Я не могу вспомнить, снимали ли мои братья рубашки с тех, кого им удалось спасти, но эта идея – лучшее, что у нас есть.

– Довольно умно, Подаксис.

Дрожащими пальцами я спешу расстегнуть жилет моряка. Хотя в темноте не разглядеть, какого он цвета, меня удивляет гладкость парчи, из которой он сшит. Похоже, этот человек не простой моряк или рыбак. Возможно, он даже принадлежит к аристократическому роду. Расстегнув его жилет, я перехожу к рубашке. Румянец ползет по моим щекам от осознания. Я раздеваю мужчину. Подобного я не делала даже для Мартина. Тяжело сглатываю и, прогоняя эти мысли из головы, расстегиваю последнюю пуговицу. Затем распахиваю полы в стороны и кладу руки на обнаженную кожу мужчины.

Когда мои ладони упираются в твердые мышцы, у меня перехватывает дыхание.

– Ой.

– Что случилось? – переминается с ножки на ножку Подаксис.

Я усмехаюсь, приподняв уголок губ.

– Ну, этот совсем не тощий.

– Не думаю, что на его костях есть жир.

– Что бы это ни было... Кажется, мне оно нравится.

– Сейчас не время глазеть, Мэйзи. Возможно, он уже мертв.

– Фу, ты прав.

Возвращаясь к делу, я пробую повторить когда-то увиденные движения, но нахожу их такими же неэффективными, как и раньше. Должна ли я надавить сильнее? Может, я положила руки не на то место? Стиснув зубы, перекидываю ногу через мужчину и усаживаюсь верхом на его бедра, а затем прикладываю столько усилий, сколько могу, чтобы снова и снова давить на его грудь.

– Не думаю, что это работает, – тихо замечает Подаксис. Мое сердце замирает от сожаления, которое я слышу в его голосе.

– Это должно сработать.

– Ты сделала все возможное. Отец гордился бы тобой.

При упоминании об отце у меня слабеют руки. Чертыхнувшись, я прекращаю свои усилия и поднимаюсь на ноги. Злые слезы текут по моим щекам, когда я отхожу от тела моряка. Все было напрасно. Я пыталась спасти его, пыталась как-то компенсировать ту жизнь, которую украла...

– Мэйзи, кажется, он дышит.

Я резко оборачиваюсь.

– Правда?

Подаксис машет когтем в сторону лица мужчины.

– Может быть.

Мое сердце колотится, когда я возвращаюсь к спасенному и приседаю перед ним. Обхватив его лицо руками, прикладываю ухо к его губам. Сначала мне слышен только ритмичный звук волн, что набегают на берег, а затем – вздох. Неровный и неглубокий, но все же вздох. Через несколько секунд слышится еще один.

Тепло наполняет мою грудь, когда я отстраняюсь, глядя в лицо моряка.

– Он дышит. Он жив!

– Ты сделала это, Мэйзи! Замечательно! Теперь мы можем идти?

Я открываю рот, но не знаю, что сказать. Теперь, когда стало понятно, что моряк жив, что мне с ним делать? Я не могу просто оставить его здесь. Не могу ведь? Мои бесплодные усилия продавить его крепкую грудь свидетельствуют о том, что он слишком тяжелый, чтобы перетащить его подальше от воды. Мой взгляд скользит по все еще расстегнутой рубашке, но я заставляю себя снова посмотреть в лицо незнакомца. В лунном свете его кожа кажется бронзовой, а волосы черными. Или, может быть, они просто потемнели от воды. Как бы то ни было, я ловлю себя на мысли, что хотела бы увидеть его при дневном свете. Мой взгляд падает на рот, на губы, которые, как я теперь знаю, полны жизни. На самом деле, они полные во всех смыслах. Гораздо полнее, чем у Мартина. И этот нос. Как раз их тех, что мне нравятся: немного кривоватый, возможно, сломанный раз или два, и совсем не изящный. Я видела похожих на него мужчин на плакатах возле боксерских арен улицы Галлей.

– Он довольно привлекательный, не находишь?

Подаксис в ответ закатывает глаза.

Все еще обхватывая руками лицо мужчины, я придвигаюсь ближе, чтобы изучить длину черных ресниц, которые касаются высоких скул. Чего бы я только не отдала, чтобы иметь такие же. Мои такие короткие, бледные и розовые, в то время как его...

Брызги воды заливают мое лицо, когда мужчина дергается вперед в приступе сильного кашля. Я визжу, отдергиваю руки и отползаю, упираясь в берег локтями.

– О, ради святых ракушек, он отвратителен!

– Он только что... плюнул в тебя?

Я отчаянно тру лицо и отползаю еще дальше от незнакомца. Когда же осмеливаюсь взглянуть на него в следующий раз, он все еще лежит на спине с закрытыми глазами, но его дыхание кажется более отчетливым.

Подаксис постукивает когтем по моей ноге.

– Нам действительно пора идти.

– Думаю, ты прав.

Теперь, когда моряк хотя бы частично пришел в сознание, он сможет сам найти дорогу домой. Если только... если только он не живет где-нибудь еще.

Мой желудок закручивается узлом. До сих пор я не позволяла себе задумываться об этом.

Я была сосредоточена на том, чтобы он выжил, а не на том, что будет после.

Итак, что бы на моем месте сделали мои братья?

После большинства спасительных операций выживших на досках перевозили во дворец Бершарбор. Редко кто был достаточно силен, чтобы передвигаться самостоятельно, когда совсем недавно чуть не утонул. Если такие находились, их все равно сопровождала армия отца. Позже выживших заключали под стражу до тех пор, пока не выяснялось, кто они и зачем пришли. Прежде чем определить наказание, отправить их домой или позволить свободно передвигаться по острову, следовало подтвердить их личности, мотивы и гражданство. С теми,

кто пришел с недобрыми намерениями – браконьерами или глупыми людьми, пытающимися обманом попасть на остров, – отец был безжалостен, но со всеми остальными – добр и щедр.

Как подобная информация может мне помочь? Я не могу заключить этого мужчину в тюрьму и понятия не имею, как определить, откуда он. Даже не будь я в бегах, у меня нет на это законных полномочий.

Я бросаю взгляд на возвышающиеся камни, отмечающие невидимый барьер у меня за спиной. Он будто бы насмеяется надо мной, неоспоримо заявляя, что я провела сквозь стену человека. Человека, у которого, возможно, не было никакого права сюда приплывать.

Я вздрагиваю. Нет, в этом еще следует убедиться. Он вполне может оказаться местным жителем. Кроме того, был ли у меня выбор? Я не могла позволить ему утонуть.

Ты не убийца, дитя мое.

Там, где раньше вера отца придавала мне сил, теперь, перед ужасным грузом возможностей, она делает меня слабой. Сжав руки в кулаки, я подхожу к мужчине и толкаю его в плечо ногой.

– Просыпайся. Откуда ты?

Он тихо стонет, но не открывает глаз. Подаксис смотрит на меня снизу вверх.

– Теперь я могу его ущипнуть?

Я перевожу взгляд с друга на мужчину и, скрестив руки на груди, говорю:

– Да.

С чрезмерным энтузиазмом Подаксис подбегает к лицу моряка и зажимает клешней мочку его уха.

Мужчина распахивает глаза и слабо вскрикивает. Его дыхание учащается и становится тяжелым. Посмотрев на меня, он хмурится, но, кажется, ему нелегко держать глаза открытыми. Прежде чем снова откинуться на спину, незнакомец бормочет что-то себе под нос, слишком тихо, чтобы расслышать.

– Что он сказал? – спрашиваю я Подаксиса.

– Не знаю. Мне ущипнуть еще раз? Я могу выбрать более деликатное место.

– Нет, – отвечаю я со вздохом и присаживаюсь на корточки рядом с мужчиной, все же стараясь держать свое лицо вне зоны его досягаемости. Я трясусь моряка за плечо, а затем несколько раз шлепаю его по щеке.

– Просыпайтесь, сэры. Вы находитесь на острове Фейривэй. Вы родом отсюда?

Мужчина слегка приподнимает веки и произносит еще больше неразборчивых слов.

– Я не слышу.

– Святой. Лазаро. – Каждое слово вырывается у него с хрипом, но на этот раз они ясны, как божий день.

– Вы принадлежите к церкви Святого Лазаро? – Узнав название человеческой религии, я содрогаюсь.

Это одна из многих религий на острове, но она обладает худшей репутацией. Двенадцать лет назад Церковь Святого Лазаро подняла восстание против фейри и организовала нападения на несколько королевств, расположенных на севере острова. Однако восстание продлилось недолго, сопротивление было подавлено. Тем не менее многие тогда погибли, и, несмотря на более чем десятилетний мир, трудно не ассоциировать данную церковь с насилием, которое она когда-то поддерживала. Еще труднее забыть их довольно оскорбительные учения. Приверженцы святого Лазаро утверждают, что фейри не люди, а потомки демонов. До чего же нелепо.

Я изучаю одежду мужчины, но не нахожу ничего, что указывало бы на принадлежность к братьям ненавидящей фейри церкви.

Моряк теперь уже увереннее повторяет эти два слова, а после добавляет:

– Святилище.

Я складываю эти три слова вместе: «Святылище Святого Лазаро». При чем здесь церковное святылище?

У меня перехватывает дыхание от внезапно обрушившейся на меня правды.

Он имеет в виду не святылище. Он просит религиозного убежища.

Я вскакиваю на ноги, мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Есть только одна причина, по которой человек стал бы искать убежища после кораблекрушения – если ему не следует быть здесь.

Глава VI

Раздумывая, что делать, я наблюдаю за человеком в течение нескольких молчаливых мгновений. Он снова потерял сознание. Я не могу утащить его обратно за стену, потому что это значит вернуть его в море. Даже во время отлива камни не гарантируют никакого убежища. Он точно утонет.

После всех усилий, которые я приложила, чтобы его спасти, есть ли у меня право оставить его на произвол судьбы?

Тошнота подступает к горлу. Я знаю, что не смогу этого сделать. Мне бы никогда не хватило на подобное сил. Но в то же время я не могу ему помочь. Я уже нарушила закон фейри, когда сопровождала его на берег.

Так что у меня остается три варианта.

Первый – сообщить о нем патрульным офицерам и, вероятно, впутать себя в преступление, которое только поможет королеве Нимуэ найти меня.

Второй – помочь ему найти убежище в церкви, что тоже может привести к суровому наказанию и полностью разрушить мое прикрытие.

Или третий – скрыться с места происшествия и предоставить мужчине шанс самому решать свою судьбу.

Для того чтобы принять решение, мне не требуется много времени. Существует только один выбор. Я сделала его, когда впервые приехала в Люменас. Я должна прятаться, а не изображать из себя героиню. Все это было огромной ошибкой.

Глубоко вздохнув, я поднимаю Подаксиса на руки и бегу.

Вернувшись в центр Люменаса, я удивлена, что все еще не валюсь с ног. Полагаю, единственная причина, по которой я не потеряла сознание еще там, рядом с человеком, которого оставила после всей этой подводной пытки, заключается в том, что я морская фейри, а значит, вода – моя стихия. Все фейри обладают способностью быстро исцеляться от большинства физических недугов, а близость нужной стихии делает нас еще сильнее. Не то чтобы в данный момент я чувствую себя особенно непобедимой, и дрожь, сотрясающая все мое тело из-за промокшей одежды, явное тому доказательство. Просто я чувствую себя... все еще живой.

На городских улицах сейчас тише, чем было вечером. Их все еще можно назвать оживленными, но людей стало намного меньше. Большинство туристов, предпочитающих прогуливаться так поздно, ищут что-то поинтереснее вкусной еды: бордели, игорные дома, кальянные. Кто-то из них уже покидает публичный дом, петляя по извилистым дорожкам, чтобы вернуться в свой отель.

Я понимаю, что, скорее всего, очень похожа на этих подвыпивших людей, потому что, сгорбившись, иду по улице Галлей и потираю руки в попытке согреться и подавить дрожь. К счастью, перед побегом с утеса у меня хватило ума забрать сброшенную одежду и обувь, но даже сухая куртка в данный момент не приносит особой пользы.

Это заставляет меня задуматься о человеке, которого я бросила на произвол судьбы. Если я, будучи морской фейри, чувствую себя настолько ужасно, каково тогда ему? Может, он уже мертв, потому что я оставила его?

– Ты поступила правильно, – доносится голос Подаксиса из моей сумки. Я качаю головой, понимая, что остановилась. Он смотрит на меня из-под клапана. – Ты сделала все, что только могла сделать, при этом не подвергнув себя опасности.

Не в силах найти нужных слов, я киваю и продолжаю идти. Знаю, что он прав. Входить в море, а уж тем более спасать тонущего человека было очень опасно. О чем я только думала?

Какой смысл делать что-то, чем мог бы гордиться мой отец, когда он слишком далеко, чтобы это увидеть?

Чтобы произвести впечатление на отца, мне никогда не приходилось много стараться. Я самый младший ребенок, к тому же единственная дочь, которая не съехала из дворца столетие назад. Я всегда была рядом с братьями, даже несмотря на то, что они намного старше и достигли зрелости за много лет до моего рождения. Но, как и отец, они оберегали меня. Возможно, даже слишком. Мне так нравилось получать заботу от каждого из них. Мне говорили, что купаться в открытом океане опасно, поэтому я этого не делала. Мне запрещали спасать утопающих, поэтому я только наблюдала. Мне сказали, что снимать тюленью шкуру рискованно, поэтому я оставалась тюленем. Я всегда была слишком хрупкой, слишком молодой. Честно говоря, я наслаждалась особенным ко мне обращением, и то, что у Подаксиса имелось еще больше страхов и тревог, чем у меня, совсем не помогало. Так что для нас не было ничего лучше, чем бездельничать на берегу лагуны и радоваться столь легко получаемому одобрению с чьей-либо стороны. Подумав еще немного, я не могу вспомнить, чтобы отец когда-либо смотрел на меня без теплой улыбки, растягивающей его губы, и неважно, в благой он был форме или в неблагой.

Горло сводит судорогой, когда я вспоминаю, как впервые стерла эту улыбку с лица отца...

У моих ног лежал мертвый мальчик, зажавший в кулаке мою тюленью шкуру.

Отец перевел взгляд широко раскрытых, но пустых глаз с мальчика на меня и сжал губы так плотно, что они побелели. Я ожидала увидеть стыд, ярость, разочарование, но не увидела ничего подобного. Вместо этого я стала свидетелем страха, который позже превратился в глубочайшую печаль.

Ты не убийца, дитя мое.

Я не могу не спрашивать себя, сколько еще горя он испытает, узнав, что я стала причиной еще одной смерти. На этот раз косвенно, но все же...

– Ракушки, – чертыхаясь я сквозь зубы и ускоряю шаг. Сворачиваю на Третью и направляюсь к улице Ориона, но, добравшись до Лебединой улицы, резко сворачиваю направо, прежде чем успею передумать.

– Куда мы направляемся? – спрашивает Подаксис настороженно.

– Сам знаешь куда.

– Мэйзи, ты не обязана этого делать.

– Но все равно сделаю.

Подпитывая собственную решимость, я почти бегу трусцой по Лебединой улице, также известной как улица Спасения, ибо именно здесь расположены все многочисленные церкви Люменаса. Сначала, узнав, сколько религиозных учреждений существует в городе, известном своими грехами, я удивилась, но позже решила, что в этом есть смысл. Там, где процветает разврат, растет и отчаянное стремление к искуплению. Я прохожу мимо разнообразных церквей. Некоторые, такие как церковь Рассвета и церковь Святого Михаила, отличаются скромными кирпичными фасадами и величественными башенками, в то время как другие, как церковь Волнообразного Удовольствия, своими мраморными колоннами и яркими светящимися лампочками больше похожи на одно из зданий на улице Галлей. Мне с трудом верится, что даже половина здешних церквей служат домом для законной религии, но я верю на слово нацарапанной над яркоосвещенным шатром Церкви Волнообразного удовольствия вывеске, что гласит: «Рай находится в ваших штанах».

Дальше, за церковью Текстиля, расположен еще один знак, на этот раз прислоненный к тротуару. На нем изображен черно-белый портрет поразительно красивого мужчины, а рядом написано: «Кто хочет замуж за шляпника? Приз: сердце Рэндольфа Харца, который всю жизнь будет обеспечивать вас красивыми шляпами». А ниже – жирными желтыми буквами: «Завтра последний этап конкурса невест. Кого же он выберет?»

Не будь я так сосредоточена на поиске церкви Святого Лазаро, обязательно посмеялась бы над прочитанным. Я прохожу мимо вывески, бросив на нее только беглый взгляд. Меня нечасто можно увидеть на улице Спасения. Здесь слишком много осуждающих взглядов, чтобы я могла спокойно воровать, слишком много проповедников стоят на пороге каждой церкви, слишком много фанатиков раздают листовки и заывают весело провести время за молитвами и песнопениями. Честно говоря, сейчас мне тоже не следует здесь быть. И с каждым шагом тревожное ворчание Подаксиса все больше напоминает мне об этом.

– Плохая, плохая, очень плохая идея, – говорит он.

– Почти все, что я делаю, поначалу кажется плохой идеей, – бормочу я в ответ.

Я замедляю шаг, высматривая пункт назначения и проходя одну церковь за другой. Церковь Святого Лазаро представляется мне зданием с угрожающими черными башенками, возможно, даже окруженное головами на пиках. Видение настолько четкое, что я едва не прохожу мимо простого кирпичного строения со скромной бронзовой табличкой с названием. Я останавливаюсь перед дверями, и мой взгляд падает на вывеску, очень напоминающую ту, что стояла перед Церковью Текстиля. Вместо красивого шляпника на нем фотография мужчины с редующими волосами и улыбкой, которая больше похожа на гримасу. Кажется, глаза с этого черно-белого портрета смотрят прямо на меня. Надпись гласит: «Кто хочет выйти замуж за брата Биллиуса? Приз: вечное спасение и пятьсот цитриновых фишек. Первый этап конкурса...» За этим следует несколько дат, которые были перечеркнуты и обновлены, самая последняя в списке – сегодняшняя.

Я приподнимаю бровь, не в силах понять, шутка это или действительно правда. Пятьсот фишек – приличное состояние, учитывая, что одна равняется десяти маркам. Но ради этого выйти замуж за мужчину, изображенного на портрете?

– Если уж собралась это делать, поторопись, – говорит Подаксис.

Его голос вновь напоминает мне о срочности дела, из-за которого я оказалась здесь. Не раздумывая ни секунды, я поднимаюсь по ступенькам к входной двери церкви, высоко поднимаю воротник пальто и низко надвигаю кепку. Прислушавшись, понимаю, что изнутри здания не доносится и шороха, что, скорее всего, вполне логично для религиозного учреждения далеко за полночь. Я поднимаю кулак, чтобы постучать, но останавливаюсь. Возможно, следует просто зайти внутрь? Понятия не имею, как следует вести себя в церкви. Я никогда раньше не заходила ни в одну из них.

Сделав глубокий вдох, я решаюсь постучать. Когда никто не отвечает, стучу снова. Наконец, дверь открывает мужчина средних лет, такой же невысокий, как и я, усатый, с седеющими светлыми волосами до плеч и с глубокими морщинами вокруг глаз.

Он одет в черную, украшенную золотой вышивкой на шее и рукавах мантию. На правой стороне его головного убора вышита эмблема святого Лазаро: пара скрещенных над пламенем мечей. Совсем не так я представляла себе церковного священника. Уж точно не с изящными золотыми обручами, которые он носит в ушах. Украшения создают лишь намек на яркость, из-за чего этот человек кажется вполне подходящим для Люменаса... но не для церкви. Разве церковь не синоним скромности? Полагаю, что Церковь Волнообразного Удовольствия опровергла бы это предположение. Кивнув, мужчина отходит в сторону и взмахом руки приглашает меня войти. За его спиной я вижу темный вестибюль, ведущий в тускло освещенную комнату, вдоль которой стоят ряды пустых скамей.

– Приветствую, – говорит священник тихим голосом, словно боится спугнуть меня. – Я отец Виктор. Добро пожаловать в церковь Святого Лазаро. Мы всегда открыты для молитвы.

– Я пришла не для молитвы, – говорю я, опустив голову и тоже понизив голос.

– Значит, ты пришла на конкурс невест? Он был... отложен. Завтра мы...

– Нет, – перебиваю я, быстро взглянув на священника, прежде чем снова опустить голову.

Подготавливаясь к тому, чтобы объяснить цель своего визита, я чувствую, как мое тело сотря-

сает дрожь. От осознания того, что мои дальнейшие слова могут сделать из меня еще большего преступника, чем уже есть, мое горло горит. Воровство ради выживания – это одно, а представлять убежище тому, кого незаконно сопроводила на берег...

Я глубоко вдыхаю и выкладываю все, пока не передумала.

– На мысе Вега находится человек, ищущий убежища в церкви Святого Лазаро.

Священник хмурится и несколько раз моргает, глядя на меня.

– Прошу прощения?

– Он на берегу. Мужчина, что едва не утонул. Не знаю, жив ли он теперь. Он точно человек...

– Как...

Прежде чем он успевает спросить что-то еще, я отворачиваюсь и бегу вниз по лестнице. Я ожидаю, что он погонится за мной, попросит подробностей, но когда отваживаюсь оглянуться, священник все еще смотрит мне вслед со ступеней церкви. Мой желудок сжимается, когда меня захлестывает облегчение. Я сделала это, передала сообщение. Я дала тому моряку еще один шанс выжить. Поступила правильно. Сделала все, что могла.

Я повторяю это про себя, пока направляюсь к «Прозе стервятника» и после, когда бесшумно проскальзываю через заднюю дверь. За кулисами тихо, вокруг ни души. Интересно, остальные все еще гуляют с Мартином в «Медовом домике» или уже вернулись и легли спать? Эта мысль всего лишь мимолетно проскальзывает в моей голове, когда разум снова и снова возвращается к человеку, которого я оставила на берегу. Несмотря на все попытки уверить саму себя, что сделала правильный выбор, я не могу бороться с тревожной смесью страха и гордости, бурлящей во мне.

Когда я добираюсь до тихого уединения своей крошечной комнаты, то почти падаю рядом со своей кроватью. На ощупь, в темноте, я лезу под матрас, пока пальцы не наткнутся на гладкий мех. Я вытягиваю тюленью шкуру и накрываюсь ею, как одеялом. Закрыв глаза, наслаждаюсь теплом, что она дарит, но сопротивляюсь желанию надеть ее. Я не позволяла себе превращаться в тюленя с тех пор, как покинула дом, но всегда держала свою шкуру под рукой. В безопасном и скрытом месте. Эта шкура – самое неоспоримое доказательство того, кто я есть на самом деле, поэтому нельзя допустить, чтобы кто-нибудь нашел ее.

Тем не менее я также не могу полностью забыть про нее. Она часть меня. Все, что осталось от моего детства.

Подаксис забирается ко мне на колени, и я ожидаю, что он отчитает меня за проявленное сегодня безрассудство, но мой друг ничего не говорит. Должно быть, он чувствует, что я и сама прекрасно осознаю, как сильно рисковала.

Все в порядке. Я в порядке. Ничего не изменилось. Никто не узнает о том, что произошло. Я нарушаю закон каждый день, так что сегодня ничем не отличается от вчера.

Кстати, о нарушении закона...

Я снимаю кепку и провожу руками по своим все еще влажным волосам. Мое сердце замирает, когда пальцы так ничего и не нащупывают. Было слишком наивно полагать, что мой драгоценный гребень в форме ракушки останется на месте. Скорее всего, его поглотил океан.

По крайней мере, вилка все еще лежит в кармане моего пальто.

– Я действительно хотела этот гребень, – говорю я вслух.

Подаксис вздыхает.

– Вместо этого ты помогла беглецу получить убежище в церкви с дурной репутацией.

– Беглец – слишком громко сказано, – замечаю я. – Кто знает, может, он просто нуждался в месте, где мог бы восстановить силы. В чем-то более привлекательном, чем тюремная камера?

Хотя я говорю это только для того, чтобы поспорить с Подаксисом, произнесенные слова снимают часть груза с моих плеч. Что, если так и есть? Что, если я все это время слишком остро реагировала? Что, если он житель острова или просто сбившийся с курса моряк, у которого

нет никаких плохих намерений по отношению к моей родине? Кто захочет проходить через такой трудный судебный процесс после травмы, полученной в результате кораблекрушения?

Подаксис открывает рот. Уверена, он умирает от желания вразумить меня. Я бросаю на друга многозначительный взгляд, и он издает протяжный стон, после которого с не очень-то убедительным потворством говорит:

– Возможно, ты права.

Чувствуя себя удовлетворенной, не говоря уже о всевозможных видах усталости, я, наконец погладив серый мех, возвращаю свою тюленью шкуру в ее тайное место. Затем снимаю с себя мокрую одежду и забираюсь под одеяло. Я закрываю глаза и отбрасываю все мысли о смелых спасениях, сильных волнах, мускулистой груди и темных, пропитанных морем волосах.

Завтра все будет так, словно ничего и не случилось.

Глава VII

Прошло четыре дня с момента моего глупого, но отважного поступка. Никто не пришел требовать моей головы. Не то чтобы кто-то станет заходить так далеко, чтобы казнить меня на месте, если вдруг моя причастность к незаконному пересечению границы будет обнаружена. Вместо этого меня точно допросят, привлекут к судебному разбирательству, в ход которого, вероятно, вмешается мой отец. В конце концов, прежде всего я принцесса, а уже потом убийца и все остальное. Учитывая, что феиры не могут лгать, я, возможно, буду вынуждена рассказать об этом. Хотя, независимо от того, какое наказание мне назначат, худшее наступит, когда королева Нимуэ найдет меня.

Найдет, заявит на меня права и сделает настоящей убийцей.

Эта порочная спираль мыслей терзала мой разум последние несколько дней, в основном в моменты слабости, когда я размышляла, действительно ли понимала, что делаю, когда спасала этого человека.

Но теперь...

Теперь жизнь кажется настолько нормальной, насколько это вообще возможно. На улицах не видно офицеров, ищущих зацепки, способные привести к девочке-фейри, которая помогла беглецу-человеку. Никаких слухов о человеке-убийце в маске, внезапно появившемся в городе после таинственного кораблекрушения. На самом деле вообще ни слова ни о корабле, ни о крушении, ни о выжившем.

Мы с Подаксисом явно слишком остро отреагировали.

Вот почему впервые за четыре дня я отважилась заполнить сумку краденными вещами.

Я наконец смогла вернуться к работе без сковывающего каждое мое движение страха быть пойманной за что-то, кроме воровства. Последние несколько ночей я останавливалась после пары безделушек, но сегодня собрала целую расшитую блестками сумочку, в которой прятались цитриновые фишки, три пары карманных часов, кольцо, браслет и жемчужное ожерелье из бисера. Меня так и подмывает оставить последнюю находку себе, но после потери гребня для волос перспектива уже не кажется такой волнительной. Ничто и никогда не сравнится с ним по красоте.

Еще слишком рано. Еще даже не наступила полночь, а я уже собрала достаточно, чтобы вызвать улыбку на лице мистера Таттла.

– Это нужно отпраздновать, – говорю я, ускоряя шаг, когда мы сворачиваем с Галлея на Третью улицу. Я не позволяю себе даже смотреть в сторону Бриллиантового оперного театра и аристократов, собравшихся перед входом. В прошлый раз я твердо усвоила урок о том, чем может обернуться воровство на восточной стороне Третьей улицы.

– Отпраздновать? Что именно? – спрашивает Подаксис из моей сумки.

– Не знаю. Например, тот факт, что я не сижу за решеткой.

– Полагаю, это то, чем можно гордиться, – отвечает мой друг ровным голосом.

В моей голове вспыхивает идея, от которой текут слюнки.

– Возможно, пришло время люми!

– О, хорошая идея, – на этот раз в голосе Подаксиса слышится настоящий энтузиазм.

А почему бы и нет? Люми – одно из самых известных блюд Люменаса, лакомство, приготовленное из воздушного, жареного теста и посыпанное корицей, кардамоном и ярко-желтым сахаром из звездного тростника. Их можно найти где угодно, от высококлассных ресторанов до уличных закусовых. Я предпочитаю последние, потому что уличные торговцы никогда не экономят на масле или сахаре.

Подаксис выглядывает из сумки.

– Куда именно пойдём? Заведение рядом с «Прозой стервятника» распродает остатки, три по цене одного.

– Нет, я хочу попробовать у торговца на пересечении Первой и Лебединой.

Он пристально смотрит на меня своими осуждающими глазами-бусинками.

– На пересечении Первой и Лебединой. Значит, нам придется пройти по улице Спасения. Снова.

Я небрежно пожимаю плечами.

– А что такого плохого в том, чтобы пройти по улице Спасения?

– Ты проходишь по ней по крайней мере раз в день с тех пор... с тех пор, как сама знаешь что.

– Хм, – отзываюсь я с легкой усмешкой, которая, знаю, приведет его в ярость.

Хотя Подаксис прав. После спасения утопающего я ежедневно прогуливалась по упомянутой улице, специально замедляя шаг возле церкви Святого Лазаро. Даже не знаю, что еще, кроме любопытства, влечет меня к тому месту. Я не могу не думать о судьбе мужчины, который чуть не утонул. Выжил ли он? Прячется ли в церкви? Последовали ли священники моему совету, забрали ли они его с берега?

Я пытаюсь убедить себя, что в первую очередь хочу удостовериться, что меня в это дело впутывать не станут, но за этим кроется нечто большее. Нечто большее, что никак не связано с мускулистой грудью, красивым носом и не менее привлекательным лицом. Вообще никакой связи.

Я спускаюсь вниз к Лебединой улице. Здесь тише, чем на Галлее, хотя из открытых дверей некоторых церквей доносятся хвалебные песнопения. Или, в случае Церкви Волнообразного удовольствия, знойные ритмы. Я прохожу мимо Церкви Текстиля и обнаруживаю, что табличка «Кто хочет замуж за шляпника» заменена поздравлениями в честь новой счастливой пары. Есть и новый портрет, на котором красивый шляпник изображен рядом с пышногрудой блондинкой в такой большой шляпе, что влюбленные под ней кажутся карликами.

– Похоже, он сделал правильный выбор, – бормочу я.

Когда мы приближаемся к Первой улице, я ускоряю шаг и именно тогда замечаю, что улица стала намного оживленнее, чем когда-либо до этого. Впереди стоит толпа болтающих молодых женщин. Сначала я думаю, что их тоже посетила блестящая идея купить люми, но быстро понимаю, что ошибаюсь. Толпа щебечущих барышень остается на этой стороне улицы, а торговец – через дорогу, и, что меня шокирует, все они собрались перед церковью Святого Лазаро.

Нахмутив брови, я останавливаюсь, чтобы получше присмотреться к сплетничающим девушкам. Они стоят вокруг вывески, той самой, на которой был портрет брата Биллиуса, когда я видела ее в последний раз. На этой неделе, каждый раз, когда я проходила мимо нее, дата начала конкурса невест переносилась. Интересно, собрались ли эти дамы, чтобы посмеяться над судьбой несчастного мужчины? Я подхожу все ближе, пока не улавливаю обрывки разговора сквозь оживленное хихиканье.

– ...двадцать тысяч цитриновых фишек в год!

– Ты действительно хочешь выйти замуж за человека из церкви Святого Лазаро?

– Нет, но двадцать тысяч цитриновых фишек кого угодно заставят задуматься. Теперь столько платят каждому служителю церкви?

– С таким лицом, как у него, я бы рискнула даже с одной фишкой на кону.

– Как же несправедливо, что он ищет невесту-фейри.

Смешок.

– Я могу притвориться, что во мне течет кровь фейри.

Я хмурюсь. Либо братство решило заметно приукрасить достоинства брата Биллиуса, либо написанное на вывеске вообще не о нем. Я подхожу ближе, заглядывая между женских юбок. Толпа так сосредоточена на вывеске, что никто из дам меня не замечает.

Это неплохая возможность добавить несколько безделушек в мою сумку...

Я оцениваю девушек свежим взглядом в поисках заколок для волос, браслетов или ожерелий. Наконец, замечаю сумочку, лениво перекинутую через женское запястье. Ее хозяйка так увлечена сплетнями, что кажется, можно просто хлопнуть ее по плечу и попросить отдать мне сумку. Конечно, я не стану этого делать. Мне просто нужно пройти мимо и...

Мое внимание привлекает уголок вывески, и я замираю на месте.

– Что, во имя раковин... – Я протискиваюсь между двумя женщинами и смотрю на фотографию.

Подаксис приподнимает клапан сумки, чтобы тоже взглянуть.

– О боже, это же... это...

– Ага. – Мой взгляд останавливается на черно-белом портрете. Я узнаю квадратную челюсть, высокие скулы, полные губы, темные волосы. Единственная незнакомая черта на фотографии – ослепительные темные глаза, которые на пляже прятались за закрытыми веками.

Рядом с портретом надпись: «Кто хочет выйти замуж за брата Дориана? Приз: вечное спасение и супружеское блаженство. Доход: двадцать тысяч цитриновых фишек в год. Требования: невеста должна быть чистокровной фейри».

Жар заливает щеки, когда каждый дюйм моего тела покалывает от раздражения. В ярости, я тяжелым шагом огибаю все еще болтающую толпу.

– Ну, кажется, у него все в порядке.

– Почему тебя это раздражает? – спрашивает Подаксис.

Я открываю рот, но понимаю, что и сама не знаю ответа. Почему меня так беспокоит изображение на вывеске мужчины, которого я когда-то спасла?

Когда я не отвечаю, Подаксис продолжает:

– Разве ты не хотела убедиться, что он жив и здоров?

Я перебираю слова, прежде чем нахожу те, в которых не слишком много лжи:

– Конечно, но он занял место бедного брата Биллиуса на конкурсе! А ведь его конкурс невест еще даже не успел начаться.

– Конкурсы подобного рода стали довольно популярным зрелищем, верно? Это такая новая тенденция в Люменасе – выйти замуж за незнакомца и сделать из этого большой спектакль? —

Я не отвечаю, потому что у меня есть собственные вопросы.

– Почему он хочет жениться на ком-то из фейри? Разве братство Святого Лазаро не ненавидит нас?

– Именно из-за этого они и получили свою репутацию, – говорит Подаксис. – Хотя существует одна причина, по которой он мог бы хотеть в жены фейри. Ты слышала о последних научных открытиях Фейривэя в области человеческого старения?

– О каких открытиях? – спрашиваю я, когда мы поворачиваем за угол Первой улицы.

– Ну, – говорит Подаксис тоном всезнайки, которым он и является, – исследования показали, что с момента окончания войны и объединения острова у людей, которые находятся в близких отношениях с фейри, замедляется процесс старения. Возможно, это может сделать их такими же нестареющими, как мы. Конечно, объединение острова произошло всего двадцать два года назад, и для некоторых отношения между людьми и фейри все еще табу. Так что узнать наверняка, насколько увеличится продолжительность человеческой жизни, невозможно, но то, что отношения с фейри приносят человеку особую пользу, не поддается сомнению.

Я фыркаю от смеха.

– Откуда ты это знаешь? Хотя нет, почему ты запомнил этот факт слово в слово, будто ждал возможности повторить его? – Осознание приходит быстро. – Ракушки, Подаксис, ты собираешь эту информацию для Нади? Чтобы убедить ее ответить взаимностью, когда наконец признаешься в собственных чувствах?

– Ты... ну, ты такая... грубая. Если бы я когда-нибудь решился высказать свои намерения Наде, вряд ли пришел бы к ней с фактами и цифрами. Я бы... это не твое дело. Я прочитал об этом в газете и подумал, что ты захочешь знать.

Я знаю, что смутила его, но не могу сдержать смех. Когда мне удастся успокоиться, я обдумываю его слова. Если с момента окончания войны люди стали стареть медленнее, объясняет ли это то, почему я так быстро стала взрослой? В отличие от моих братьев, которые достигли зрелости только в возрасте нескольких столетий, я управилась всего за два десятилетия. Я постарела... как человек. Учитывая, что фейри не размножаются так часто или так легко, как люди, и что мое детство прошло довольно уединенно, я не встречала много других чистокровных фейри, которые родились после объединения острова. За исключением Подаксиса, конечно, который постарел, как и я.

Полагаю, в этом есть какой-то скрытый смысл. Люди начали влиять на фейри с того момента, как ступили на наш остров тысячи лет назад. Тогда все фейри были теми, кого теперь мы называем неблагими. Духи, животные, существа. Только когда люди научили нас их языку, поделились одеждой и едой, мой вид начал перенимать их обычаи. Именно тогда мы научились принимать благую форму, которая имитировала человеческую. Вполне логично, что теперь, когда люди и фейри живут вместе, в безопасности и под защитой наполненной нашей магией барьера, они влияют друг на друга.

Этот факт не помогает мне справиться с раздражением из-за так называемого брата Дориана. У него хватило наглости пережить кораблекрушение только для того, чтобы устроить конкурс невест, в ходе которого он планирует найти себе жену-фейри. Побывав на волосок от смерти, он решил отчаянно искать бессмертия, которое способна принести невеста-фейри?

Несмотря на мое волнение, происходящее проясняет еще одну вещь.

– Знаешь, думаю, это даже хорошо, – говорю я Подаксису. – Это значит, что ты ошибался на его счет. Он не беглец, а один из братьев Святого Лазаро. Так что все это время он являлся гражданином острова. Бьюсь об заклад, он просто не хотел возиться с юридическими формальностями пересечения границы посреди ночи.

– Тогда что он делал в море?

Этот вопрос несколько ослабляет мою убежденность, но я отмахиваюсь от своих подозрений.

– Очевидно, какая-то командировка. Чтобы распространять доброе слово своей церкви.

– А у учения святого Лазаро доброе слово, чтобы его распространять?

Я издаю лающий смешок.

– Очень умно, Подаксис. Мне нравится твое остроумие.

Он вздыхает и смотрит на меня из моей сумки.

– А мне не нравится, что ты еще две улицы назад прошла мимо торговца люми. Разве мы не собирались попробовать те, что были на пересечении Первой и Лебединой?

Я резко останавливаюсь, понимая, что он прав. Мы почти дошли до улицы Ориона. Мой план полакомиться люми сорвался из-за этой дурацкой вывески.

– Ты прав, Подаксис. Мы проделали такой путь, чтобы отпраздновать. К тому же теперь у нас для этого даже больше причин. Я спасла не просто человека, а служителя церкви, который вот-вот станет счастливым мужем. Если все-таки найдет себе невесту-фейри, еще долго... не умрет.

– Да, Перл, ты молодец. А теперь мы можем поесть люми?

Усмехнувшись, я разворачиваюсь и направляюсь обратно к уличному торговцу. К тому, что стоит прямо напротив церкви Святого Лазаро. Я покупаю угощения, с удовольствием запи- хиваю их в рот и только один раз бросаю взгляд на вывеску с портретом брата Дориана.

Два раза.

Пять.

С сахарной сладостью, покрывающей губы, я приподнимаю кепку в сторону вывески.

– Не стоит благодарностей, – бормочу я, бросая на нее последний сердитый взгляд.

Глава VIII

К

тому времени, как мы добираемся до «Прозы стервятника», у меня болит живот от того, как быстро я заглотила шесть люми подряд. Даже Подаксис постанывает раз-другой, когда я сажаю его на пол в театре, хотя съел он всего-то три. Тем не менее я ни о чем не жалею, когда отдаю свои украденные сокровища мистеру Таттлу, требую десять цитриновых марок в качестве оплаты, а затем направляюсь прямо по коридору, ведущему к спальне. С каждым шагом я снимаю один предмет одежды – кепку, куртку, жилет, – пока не чувствую себя легко и свободно в рубашке и брюках с подтяжками. Отмечая подозрительную тишину за кулисами, я со вздохом провожу рукой по волосам. Никто из актеров не болтает и не репетирует запланированные на завтра реплики. Мартин не слоняется без дела, не приглашает Клауса и Стэнли куда-нибудь выпить и не строит мне глазки, как маленький тюлень. Так даже лучше, потому что все, чего я сейчас хочу, – это спокойствие и сон.

Надежда на это исчезает, когда я открываю дверь в свою спальню. Мой желудок закручивается узлом при виде Мартина, стоящего в темной комнате, единственным источником света в которой является маленькое квадратное окно над кроватью. Он ничего не говорит, руки сцеплены за спиной. Он кажется... другим. Жестким. Сердитым. Хотелось бы мне убедить себя, что это простой визит вежливости, но я знаю, что это не так. Пришло время разговора о нас, которого я так боялась.

– Ракушки, – ругаюсь себе под нос и застываю в дверях, не зная, что делать дальше. Наконец, я вздыхаю. – Нам нужно... поговорить.

Подаксис отскакивает назад, постукивая клешнями.

– Я... э-э... пойду посмотрю, дома ли Надя.

Как только он удаляется дальше по коридору, я вхожу в комнату и закрываю за собой дверь. Помещение крошечное: в нем достаточно места только для моей узкой кровати и столика, приставленного к стене, оставляющих несколько футов свободного пространства. Так что мне довольно неловко, потому что я вынуждена протискиваться мимо Мартина, чтобы зажечь лампу, стоящую на столике. Все это время он неотрывно наблюдает за мной. Когда комната освещается тусклым светом, я собираюсь с силами, чтобы посмотреть в лицо своему бывшему любовнику. Я не могу заставить себя встретиться с ним взглядом, так что вместо этого продолжаю смотреть на его грудь. Мартин одет в брюки и рубашку с короткими рукавами, мало чем отличающуюся от тех, что он носит обычно. Но все же что-то в нем изменилось.

– Мартин, я...

Мои мысли путаются, пока я перебираю слова, чтобы сказать то, что нужно.

Он слегка сдвигается с места и убирает одну руку из-за спины. Он тянется ко мне, и я напрягаюсь, ожидая прикосновения к щеке. Но вместо этого Мартин держит между нами зажатый кулак. Я хмурюсь, наблюдая, как он разжимает пальцы, чтобы показать предмет, лежащий на его ладони – серебряный, сверкающий, инкрустированный перламутром.

Мой гребень в форме раковины.

Тот, что я потеряла, когда спасала брата Дориана.

Я порываюсь забрать гребень у Мартина, но останавливаю себя. Мой взгляд обращается к его лицу.

– Где ты его нашел?

Вот тогда я понимаю, что именно не так. Глаза Мартина не бледно-голубые, как я привыкла, а серые. К тому же они намного больше, чем должны быть. Черты его лица, где-то слишком округлые, а где-то слишком острые, слегка перекошены. Его светлые волосы кажутся слишком темными. Я, вероятно, не заметила бы этого, если бы не те ночи, проведенные в столь

тесном контакте с ним, в этой самой комнате, при точно таком же освещении. Мой взгляд перемещается к его плечам, на которые, как я сначала предположила, накинута какая-то шаль, но теперь...

Это вовсе не шаль, а моя тюленья шкура. От этого зрелища у меня сводит живот.

Я отступаю на шаг.

– Кто ты такой...

Не-Мартин улыбается так непривычно, что у меня к горлу подступает желчь.

– Лови, – говорит он глубоким, но не совсем мужским голосом и подбрасывает мой гребень в воздух. Я рефлекторно стараюсь его поймать, и в этот момент Мартин хватает меня за предплечье. Он вытаскивает вторую руку из-за спины, обнажая маленькую серебряную шестиугольную пудреницу. Щелчком большого пальца он открывает ее, заливая мою комнату ярким светом.

Я пытаюсь вырваться, но чувствую, как в мою кожу впиваются когти. Свет от пудреницы становится ослепительно ярким, так что я вынуждена зажмуриться. Мое сердце колотится о ребра, когда странное жужжание начинает гудеть вокруг меня, надо мной, внутри меня. На мгновение я боюсь, что это разорвет мое тело надвое.

Затем все прекращается.

Свечение тускнеет.

Я моргаю несколько раз, пока мои глаза привыкают к темноте. Первое, что я вижу, – на месте Мартина стоит женщина-фейри с переливающейся серебристо-коричневой полосатой чешуей, длинными черными когтями и коротко остриженными каштановыми волосами. Она на несколько дюймов выше меня, но выглядит где-то на год моложе. Хотя, по правде, может быть старше на несколько столетий, потому что ее заостренные уши говорят о том, что она настоящая фейри. У нее бледные глаза с зигзагообразным зрачком, как у каракатицы. Если не считать моей тюленьей шкуры, которая так и осталась на плечах женщины, незнакомка полностью раздета. Пронзая ее свирепым взглядом, я пытаюсь избавиться от ее хватки. На этот раз она отпускает меня и скрещивает руки на груди.

Готовая бежать, я бросаю взгляд туда, где должна быть входная дверь, но обнаруживаю, что мы больше не в моей комнате. Вместо этого мы стоим посреди тусклого коридора, полностью состоящего из плотно сплетенных кораллов. Шары теплого света парят над похожими на бра коралловыми выступами. Я перевожу взгляд с одного конца коридора на другой. Кажется, он тянется бесконечно, но с другой стороны...

К нам приближается темная фигура. Когда я отступаю назад, женщина-фейри снова хватается за мои руки.

– Отпусти меня, – говорю я, но это бесполезно. Она хоть и выглядит примерно на мой возраст, все же намного сильнее, особенно с этими острыми когтями, пронзающими мою плоть.

Фигура приближается к одному из шаров света, который освещает женскую фигуру с бледной кожей и длинными серебристыми волосами, ниспадающими на обнаженный торс. На ее талии висит сплетенный из морских водорослей пояс, на котором закреплены различные сумки и ножи. Ниже плоть женщины, покрытая черной чешуей, переходит в длинный, волочащийся за ней змеиный хвост. Верхняя часть тела женщины напоминает благовую форму, но вместо того, чтобы ходить, как люди, она извилисто скользит из стороны в сторону. Она навливается передо мной и улыбается кроваво-красными губами, обнажая острые зубы. Ее внешность так же прекрасна, как и ужасающа. Я никогда раньше не встречалась с ней лично, но точно знаю, кто передо мной. С тех пор как отец впервые поделился со мной рассказами о том, насколько она устрашающа, я слышала более чем достаточно, чтобы у моих кошмаров появилась определенная форма.

– Королева Нимуэ, – произношу я сквозь стиснутые зубы.

– Моя дорогая Мэйзи, – говорит она с тоскливой теплотой. – Надеюсь, ты будешь называть меня мамой.

Несколько мгновений я не могу сделать ничего другого, кроме как смотреть на женщину, которая родила меня. Монстр, с которым я никогда не хотела встречаться и который, очевидно, чувствовал то же самое по отношению ко мне. Сотни гневных реплик проносятся у меня в голове. И мне требуется вся сила воли, чтобы оставаться хладнокровной. Одна моя рука все еще находится в крепкой хватке похитившей меня феяри, а другую я прикладываю к талии в попытке изобразить замешательство. Наконец, я обретаю дар речи и, заставляя голос звучать ровно, как морское стекло, говорю:

– Может, ты и соблазнила моего отца, и я вышла из твоих недр, но ты мне не мать.

Она поднимает подбородок и хихикает.

– Ты больше похожа на меня, чем думаешь, дорогая Мэйзи.

Я хлопаю ресницами.

– Так вот почему я пряталась от тебя целый год?

Морская ведьма подползает ближе.

– Просто посмотри на себя. Идеальное сочетание меня и Ронана.

Я ощетиливаюсь при упоминании имени отца, слетевшего так небрежно с ее уст. Учитывая, что они были противниками всю их жизнь, кратковременный роман стал не чем иным, как ошибкой страстей. Она не имеет права называть его Ронаном, словно они старые друзья. Он, ни больше ни меньше, правитель Морского королевства. Спокойный, осторожный благой король, пытающийся умерить жестокое правление неблагодой королевы.

Теперь, когда мы стоим так близко, я не могу не заметить, что она имеет в виду. В то время как все мои братья в благой форме – точная копия отца, с тем же оттенком медно-рыжих волос и темной кожей, покрытой веснушками, я выгляжу по-другому. Мои волосы розовые, а не рыжие, кожа, хоть и покрыта веснушками, но скорее золотисто-коричневая, чем темная. Я никогда не думала, что эти различия как-то связаны с моей матерью, учитывая, что все мои братья тоже рождены разными женщинами. Бледная кожа и серебристые волосы Нимуэ объясняют мою внешность. Я всегда считала себя довольно милой, но осознание того, что я унаследовала что-то от морской ведьмы, заставляет мой желудок бушевать, как море в шторм.

Я обращаю свое беспокойство в гнев и снова пытаюсь вырваться из хватки феяри.

– Отпусти ее, Зара, – мягко говорит Нимуэ.

Прежде чем отпустить мою руку, Зара прожигает меня взглядом, а затем бросает что-то Нимуэ. Когда та ловит предмет, я узнаю серебристую пудреницу, которую приспешница морской ведьмы открыла как раз перед тем, как свет поглотил нас целиком. Каким-то образом этой вещице удалось в одно мгновение перенести меня из моей комнаты туда, где мы находимся сейчас. Или я просто потеряла сознание? Оба варианта мне кажутся маловероятными.

Освободившись от хватки Зары, я делаю шаг в сторону и упираю кулаки в бедра, сжав в одной руке твердый предмет, и это заставляет меня вспомнить о гребне для волос. Вздернув подбородок, я спрашиваю:

– Как ты меня нашла?

Она смеется.

– Мне ли не знать, где ты. Я... как там меня называют на суше? Ведьма?

– Тебя там называют по-разному, но ни одно из имен не предназначено, чтобы польстить тебе.

– Ах да. Мне действительно нравятся эти прозвища. Они создают вокруг меня довольно злобную ауру, разве нет?

– Это ты так думаешь.

Нимуэ тоже вздергивает подбородок, и одобрительная улыбка появляется на ее лице.

– Мэйзи, дорогая, с тех пор, как твой отец рассказал мне, на что ты способна, я искала тебя.

Кровь отливает от моего лица.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «он рассказал мне»?

Когда после убийства Лютера отец предупредил меня, что Нимуэ начнет охотиться за мной, он, казалось, был полон решимости помешать ей найти меня. Он отчаянно хотел обезопасить меня. Именно поэтому намеревался выдать замуж за кого-то из наследников другого королевства, расположенного на суше. Так почему, во имя всего святого, он рассказал морской ведьме о том, что я сделала?

В голову мне приходит ответ такой ужасающий, что меня начинает бить дрожь.

– Что ты с ним сделала?

Моя голова наполняется наихудшими из возможных вариантов. Она убила его? Пыталась? Будь он мертв, до меня бы дошли слухи об этом, верно? Смерть члена королевской семьи фейри вряд ли является незначительной новостью.

Нимуэ приподнимает бровь.

– Я ничего не делала твоему отцу, моя маленькая жемчужина.

Мои мечущиеся мысли замирают. Я не могу поверить ее словам. Ведь не могу? Неспособность лгать еще не означает, что она не может обманывать. Я открываю рот, но не издаю ни звука.

– Нам многое нужно обсудить, – говорит Нимуэ со вздохом. – Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Она скользит ко мне, и я отшатываюсь, но не успеваю уйти далеко, так как Зара оказывается у меня за спиной и сжимает мои руки сзади, чтобы обездвигить. Почему она такая сильная? Нимуэ приближается и обхватывает мое лицо руками. Я пытаюсь вырваться, но она крепко сжимает мои щеки. Выражение ее лица остается нежным, когда она смотрит на меня сверху вниз с мягкой улыбкой на губах.

Затем она приоткрывает свои рубиновые губы и начинает петь. Мелодия странная и пугающая, пронизанная словами на языке, которого я не понимаю. Песня накрывает меня, окутывает, как одеяло. Кажется, будто каждое слово скользит по моей коже, заставляя даже самые маленькие волоски на теле вставать дыбом. Давление сжимает мои легкие, наполняя сердце острой болью. Уверенная, что она убивает меня, я едва сдерживаю крик...

Песня обрывается, и агония заканчивается. Нимуэ отпускает меня.

Я впииваюсь взглядом в глаза своей матери.

– Что ты сделала со мной?

Она отворачивается и начинает скользить обратно по коралловому коридору.

– Пойдем, – бросает она через плечо. – Попробуешь убежать, и будешь мертва уже через десять дней.

Глава IX

С отвисшей челюстью я смотрю вслед удаляющейся Нимуэ. Буду мертва через десять дней? Она только что... наложила на меня проклятие? Моя мать продолжает скользить по коридору, в то время как во мне борются страх и ярость, заглушая все остальные чувства.

Удар локтем в бок заставляет меня вернуться к реальности.

– Шевелись, – говорит Зара с усмешкой, – или я потащу тебя за волосы.

Я слишком ошеломлена, чтобы сделать что-либо еще, кроме как повиноваться. Стиснув зубы, сосредотачиваюсь на своем гневе, чтобы побороть страх, и крадусь за удаляющейся фигурой Нимуэ. Она ведет меня по извилистым коридорам через коралловые залы. Зара следует за мной по пятам, как злая тень, подталкивая в спину всякий раз, когда считает это необходимым. То есть каждые пять секунд. Я бросаю на нее взгляд через плечо только для того, чтобы получить в ответ гораздо более острый взгляд. Я пользуюсь возможностью, чтобы оценить ее гибкое тело и обнаружить слабые места. Учитывая крепкую на вид чешую, острые когти на кончиках перепончатых пальцев и то, что она почти на фут выше меня, сомневаюсь, что у нее вообще есть какая-то слабость. По ее внешнему виду не понять, находится ли она в благой или неблагой форме. У некоторых фейри формы почти не различаются. У всех шелки, а значит, и у меня, есть очевидная разница: одна форма – тюлень, а другая – почти идентична человеческой. Хотя существуют фейри, которые ходят на двух ногах в обоих обликах, меняя разве что волосы и кожу.

Полагаю, не имеет никакого значения, какую форму сейчас носит Зара, потому что она в любом случае одолеет меня. Я снова смотрю вперед, борясь с желанием наброситься на фейри, ударить ее по чешуйчатому лицу и сорвать мою тюленью шкуру с ее плеч. Только вот учитывая, что большую часть своей жизни я провела в образе довольно ленивого тюленя, понятия не имею, как сражаться. Воровать – другое дело. Кража требует ума, быстроты и умения оставаться незаметным. Сражение же... Я даже не знаю, с чего начать. Мое единственное оружие – маленький гребень для волос. Сомневаюсь, что им можно нанести большой вред. Я могла бы войти в Двенадцатое королевство. Остановить время и забрать тюленью шкуру, а затем броситься в противоположную сторону, обратно по коридору. Но где выход из этого лабиринта? Смогу ли я сбежать прежде, чем Зара или Нимуэ догонят меня?

Нет, лучшее, что я могу сделать, это сохранять спокойствие. Следовать за морской ведьмой. Чем скорее пойму, где нахожусь, тем быстрее смогу найти способ выбраться отсюда. Я прищуриваюсь, глядя на спину Нимуэ, пытаюсь увидеть, держит ли она серебряную пудреницу, которую передала ей Зара. С помощью какой-то странной магии эта вещь привела меня сюда. Если смогу украсть ее...

Попробуешь убежать и будешь мертва уже через десять дней.

Стоит учитывать и это тоже.

Чем дальше мы идем, тем шире становятся коридоры. Стены теперь кажутся более элегантными. Их украшают радужные раковины, а коралловые бра заменяют ракушки. Сферы света, парящие над ними, становятся ярче. Наконец, мы приходим в просторную комнату с куполообразным коралловым потолком, в центре которого висит сверкающая множеством огней коралловая люстра. Пол покрыт гладким песком, а по периметру расположены перламутровые колонны, арки между которыми служат входами в еще несколько залов. Нимуэ скользит к возвышению, на котором стоит огромное ложе с бархатными подушками. По бокам от него – два больших кристально-голубых бассейна. Морская ведьма опускается на свое место и манит меня пальцем. Зара, посчитав мои движения слишком медленными, тычет локтем мне в спину.

Я поворачиваюсь к ней.

– Может, уже прекратишь?

Она обнажает зубы, но прежде чем успеваешь ответить, Нимуэ говорит:

– Оставь нас, Зара. Лучше приведи Сестер.

Оскалившись в мою сторону, Зара разворачивается на пятках.

Я бросаюсь за ней.

– Отдай мою шкуру, ты, гарпия, проклятая моллюсками.

– Следи за языком, дочь, – говорит Нимуэ с хихиканьем. – Так уж устроен мир, что неблагим морским фейри нравятся гарпии.

– Прикажи ей вернуть мою шкуру. Ты хоть представляешь, насколько оскорбительно то, каким образом она ее носит?

– Позже ты сможешь вернуть тюленью шкуру, но пока я предпочитаю, чтобы Зара позаботилась о ней.

Пылая от злости, я сжимаю челюсти, когда Зара выходит из комнаты и направляется в один из соседних залов. Чувство беспомощности угрожает парализовать меня, затянуть в омут горя, но я отгоняю его, пока оно не стало слишком глубоким. Страх мне сейчас не поможет. Печаль тоже. Все, что у меня есть, – мой ум. И год практики в воровстве.

Медленными шагами я подхожу к Нимуэ, оценивая окружающую меня обстановку свежим взглядом.

– Неплохой тронный зал, – замечаю я.

За всю жизнь я бывала только в двух дворцах. В Бершарборе, хотя там я редко проводила время в помещении, а позже – во дворце Селены, резиденции неблагодой королевы Лунного королевства. Именно туда отец отправил меня, чтобы выдать замуж за принца, и именно оттуда я сбежала. Во дворце Селены я пробыла недолго, но смогла оценить его роскошь и заметить, чем он отличается от Бершарбора. Комната, в которой я сейчас нахожусь, несомненно, является тронным залом. Это значит, что мы во дворце Джиневры.

Надежда ярко расцветает в моем сердце. Я слышала о дворце Джиневры и примерно знаю, где он находится. Но удивлена, обнаружив, что он наполнен воздухом, а не водой, потому что, по слухам, этот дворец расположен под водой. Полагаю, то, что часть дворца содержит воздух, вполне разумно, поскольку существует множество видов морских фейри, которым для жизнедеятельности требуется кислород. Кроме того, дворец был построен для размещения как морских, так и наземных фейри. Давным-давно, еще до первой войны, дворцом правила королева Мелузина – мать Нимуэ. Соответственно, она также является моей бабушкой по материнской линии. Мелузина правила морем из Джиневры, в то время как ее супруг, король Херн, управлял Осенним королевством из дворца, построенного так близко к морю, как только было возможно для правителя суши. Бершарбор. Мой дом. Дворец моего отца.

Однако следует обратить больше внимания на слухи о том, что два дворца когда-то соединяли коралловые пещеры. Так возлюбленные королевских кровей могли легко навещать друг друга. Говорят, что с тех пор пещеры были разрушены, некоторые заполнены воздухом, другие водой, но все они стали тупиками. И все же...

Я близко к дому. К отцу. Если бы я только могла...

– Помни мои слова, моя маленькая жемчужина. – Нимуэ наблюдает за мной сквозь полупущенные веки. – Если попытаешься уйти без моего благословения, никто не избавит тебя от наложенного мной проклятия. Даже магия твоего дорогого отца недостаточно сильна, чтобы противостоять моей. Но сейчас не об этом. Какое-то время мы будем одни, так что давай поговорим откровенно, как мать и дочь.

– Мать и дочь, – бормочу я с презрением.

Нимуэ игнорирует мои пропитанные ядом слова и продолжает улыбаться, сидя на своем троне.

– Спроси меня о чем угодно, и я отвечу, любовь моя.

Использование подобного обращения возмущает меня. Как будто она знает значение слова «любовь». И все же у меня имеются вопросы. Я скрещиваю руки на груди, сосредотачиваясь на ощущении гребня из ракушек, все еще зажатого в руке. Гладкий перламутр под моими пальцами дает возможность отвлечься от паники. Я опираюсь на одно бедро.

– Ты так и не сказала, как нашла меня.

– Как уже сказала, я разыскивала тебя, – говорит Нимуэ. – С тех пор как твой отец рассказал мне о твоей силе, я каждый день отправляла свою магию в море на поиски твоей сущности.

Я приподнимаю бровь.

– Моей... сущности?

– Да. Пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь хоть что-то о магии фейри.

– Я знаю о родстве со стихиями и все такое, – говорю я с сердитым видом.

– Хорошо. Как нам известно, морские фейри обладают естественной близостью с водной стихией. Ты также должна знать, что каждый правитель в Фейривэе в разной степени имеет доступ ко всем четырем стихиям.

Я киваю, пытаюсь выглядеть так, будто все, что она говорит, мне давно известно. Правда в том, что мне мало что известно о магии. Я не знаю, как соткать чары или заставить океан подчиняться моим прихотям. Самостоятельно я использую магию, только когда снимаю свою тюленью шкуру. Для этого требуется лишь щепотка. Полагаю, я также использую ее, чтобы попасть в Двенадцатое королевство, но каким образом это происходит, все еще остается для меня загадкой.

Морская ведьма продолжает:

– Как и другие правители, я могу управлять водой, воздухом, огнем и землей. Однако есть пятый элемент, к которому могут прикоснуться немногие фейри. Духовный элемент. Хотя я во многом похожа на свою мать, именно магия моего отца отличает меня от других членов королевских семей. Он был банши, певцом смерти. Именно благодаря ему я могу пользоваться духовным элементом. Вот что я подразумеваю под сущностью. Как твоей матери, мне не нужно ничего, кроме собственной крови, чтобы найти твою сущность. Так что четыре дня назад я кое-что почувствовала. Почувствовала, как тыходишь в море. В этот же самый день Зара вернулась с той маленькой безделушкой, которую ты сейчас держишь в руках. Она нашла ее на дне океана недалеко от места кораблекрушения. Этот гребень, наполненный твоей сущностью, помог мне узнать наверняка, как тебя найти.

Упоминание духовного элемента озадачило меня, но я стараюсь не показывать этого. Понятия не имела, что именно это делает Нимуэ такой сильной.

– Я наложила заклинание, позволяющее Заре следовать за твоей сущностью. Она нашла тебя, понаблюдала за тобой несколько дней, следуя по пятам. А потом привела сюда.

Я хочу спросить, как Заре удалось принять облик Мартина, но прежде, чем успеваю это сделать, Нимуэ продолжает:

– А теперь, дочь, удовлетвори мое любопытство. Скажи мне, на что ты способна.

Несколько мгновений я молча наблюдаю за ней. Что именно ей известно? Лучше не давать больше информации, чем у нее есть.

– Зачем спрашивать? Я думала, что мой отец уже все тебе рассказал.

– Он действительно так и сделал. Потому что у него не было выбора.

По моему телу пробегает дрожь.

– Но ты сказала, что ничего ему не сделала.

– Мы с твоим отцом заключили соглашение еще до твоего рождения. Мы спорили о том, кому ты будешь принадлежать, какому королевству будешь служить, пока наконец не пришли к компромиссу. Мы договорились, что, если ты родишься тюленем, будешь жить с ним. Но родись ты в любой другой форме, осталась бы со мной. Кроме того, если ты когда-нибудь докажешь, что наделена такой же магией, как я – властью над жизнью и смертью, которую я уна-

следовала от своего отца-банши, – твой отец скажет мне. После чего ты будешь принадлежать мне. Он нашел лазейку в части об откровенности и ждал почти целый год после того, как твоя магия проявилась, прежде чем наконец признаться.

Я внимательно слушаю Нимуэ. Отец никогда не упоминал о сделке. Никогда не сообщал, что Нимуэ может заявить на меня свои права. Впервые я узнала, что она угрожает мне, в тот день, когда убила Лютера. Отец никогда не говорил, что причиной опасности станет то, что он сам расскажет морской ведьме о моей смертоносной магии. Мой желудок завязывается узлом. Не знаю, должна ли чувствовать себя преданной. Безусловно, отец только пытался защитить меня, так ведь?

– В любом случае, – говорит Нимуэ, отвлекая меня от сбивчивых размышлений, – расскажи-ка мне об этой магии поцелуев.

– Зачем? Чтобы ты использовала ее?

В этот момент за пределами тронного зала раздается какой-то шум. Секундой позже из коридоров появляется дюжина или около того женских фигур. Еще несколько появляются из бассейнов, что расположены по обе стороны от трона. Зара возглавляет группу фейри, которые чем-то похожи на нее: чешуйчатые тела разных оттенков, жабры на шеях и когтистые пальцы. Я узнаю фейри, которые поднимаются из бассейнов, – прекрасные ундины, наяды и морские нимфы, синекотие никси, сирены с мясистой верхней частью тела, заканчивающейся чешуйчатыми хвостами, келпи с гладкими, черными, лошадиными телами и красными глазами.

Фейри рассаживаются вокруг трона Нимуэ. Некоторые с обожанием смотрят на свою королеву, в то время как другие бросают на меня свирепые взгляды с другого конца комнаты. Я глубоко вдыхаю, приказывая себе не паниковать и не показывать страха.

– Сестры Черного Угря, пожалуйста, познакомьтесь с моей дочерью Мэйзи. Мэйзи, это мои самые верные подданные.

Под этим морская ведьма подразумевает своих самых преданных убийц. Я слышала о Сестрах Черного Угря. Нимуэ возглавляла их под началом королевы Мелузины. И Нимуэ, и мой отец служили в армии ныне покойной королевы, но исполняли совершенно разные обязанности. До объединения острова мир с людьми был непрочным. Отец отвечал за защиту острова от морских нарушителей, в то время как Сестры Черного Угря вершили тайное правосудие. Отец был публичным лицом подводной армии, в то время как Нимуэ являлась ее скрытой силой. После того, как люди объединились с фейри, морская ведьма заняла место неблагодарной королевы Морского королевства. Несмотря на существующие правила, запрещающие Нимуэ совершать несанкционированные убийства, отец опасался, что она, не обратив на них внимания, погубит остров. Именно тогда он занял место благого короля Мореи, выступая за мир и борясь с жестокими наклонностями Нимуэ.

Даже думать не хочу о том, как между ними закрутился роман.

– Мэйзи, перед тобой стоят самые могущественные женщины моря, каждая из которых, как и ты, обладает особым талантом, помогающим нашему королевству процветать. Я уже попросила тебя рассказать мне о своем даре, но, думаю, будет лучше, если ты покажешь его.

– Прошу прощения?

Она щелкает пальцами.

– Зара.

Челюсть фейри напрягается, когда она бросает вопросительный взгляд на свою королеву. Нимуэ полностью игнорирует ее, так что Зара вздергивает подбородок и неторопливо подходит ко мне.

– А теперь, Мэйзи, покажи мне, на что ты способна.

Я перевожу взгляд с Зары на Нимуэ.

– Ты... хочешь, чтобы я поцеловала ее?

Нимуэ коротко кивает.

– Это же ее убьет.

– Мне все равно.

Я перевожу взгляд на Зару, чьи поджатые губы и тревожный взгляд не выдают и намека на страх.

– Давай же, – насмехается фейри. Я отступаю, но Зара делает шаг за мной. – В чем дело, маленький тюлень? Так быстро позабыла презрение, что испытываешь ко мне? Или просто не хочешь целоваться с женщиной?

– Я... я бы с удовольствием поцеловала кого угодно, – говорю я, через секунду уже проклиная себя за столь жалкий ответ.

– Предпочитаешь что-нибудь более... знакомое? – Чешуя смещается на ее лице от лба к подбородку, образуя лицо, так похожее на Мартина. – Поцелуй меня, – говорит она глубоким голосом, который звучит почти убедительно.

Я отступаю назад, но она снова сокращает расстояние между нами.

– Как насчет этого? – Чешуя на ее лице снова смещается, заменяя облик Мартина кем-то с темной кожей, веснушками и медно-рыжими волосами.

Я замираю при виде имитации отца, на этот раз пугающе точной.

– Я эльф-каракатица, искусна в чарах, способных имитировать облик других людей. Я могу быть тем, кем ты захочешь. – Ее лицо снова меняется, на этот раз становясь лишь немного похожим на мужчину, которого я спасла, – брата Дориана. Мне кажется, что уровень исполнения имитации Зары зависит от того, насколько хорошо она знакома с человеком, которого изображает. Значит ли это, что она видела Дориана лично? Или, преследуя меня по приказу моей матери, только посмотрела на черно-белую фотографию, что украшает вывеску возле церкви? Если так, то Заре каким-то образом удалось подобрать точный оттенок кожи и волос.

– Ты такая жалкая, – бурчит Зара себе под нос, приближая лицо – теперь уже свое собственное – слишком близко к моему. – Ты не смогла бы убить меня, даже если бы попыталась.

– Ты *хочешь*, чтобы я убила тебя?

– Нет, я хочу надеть твоё лицо и выползти на берег возле твоей маленькой лагуны. Там я хочу найти каждого из твоих братьев и перерезать им горло и содрать кожу с их костей. После чего хочу сделать накидку из их шкур. А потом, нарядившись в их плоть, направиться напрямик к твоему жалкому, бесхребетному, безмозглому отцу и...

С яростью, бурлящей в моей крови, я бросаюсь вперед и прижимаюсь губами к ее губам. Я ничего не делаю, чтобы превратить это в настоящий поцелуй, просто изо всех сил прижимаюсь губами к губам Зары. Лишь бы заглушить ее мерзкие слова. Через какое-то время я отступаю назад, оставляя между нами несколько футов расстояния. Она стоит на месте, кривя губы в ухмылке, а после качает головой.

– Ты... – Следующее слово застревает у нее в горле. Улыбка мгновенно исчезает с ее губ, когда Зара хватается за горло. Она немного бледнеет.

Я перевожу взгляд на Нимуэ и ее убийц. Все смотрят с любопытством, не проявляя и капли беспокойства за свою Сестру.

Зара падает на землю, а я застываю на месте, дрожа и наблюдая, как еще одна жертва умирает от моих ядовитых губ.

Глава X

Я замечаю, что Нимуэ поднялась со своего трона, только когда она кладет руку мне на плечо.

– Ты отлично справилась, – шепчет она, а затем мягко отталкивает меня в сторону. Я ожидаю, что она поднимет мертвое тело Зары на руки, но вместо этого Нимуэ становится перед ним и закрывает глаза.

Знакомое ощущение наполняет мои кости. Оно тянет меня вперед, затягивает внутрь. Это ощущение предлагает мир и спокойствие, способ остановить время и убежать от того, кто я есть, и от того, что сделала. Поэтому я тоже закрываю глаза.

Когда открываю их, мир становится фиолетовым.

Когда магия Двенадцатого королевства окружает меня, мой страх почти исчезает. Только на этот раз я здесь не одна. Скорее всего, на самом деле я никогда не бываю одна в этом королевстве, но обычно единственная, кто свободно передвигается по нему. На этот раз здесь есть кто-то еще.

Нимуэ.

Ее тело, как и все остальное, состоит из фиолетовых частиц, но в отличие от ярко-фиолетовых замороженных фигур ее приспешников и убывающего фиолетового оттенка, которым покрыто тело на полу, морская ведьма, кажется, осознает свое окружение. Скользя, она огибает Зару и направляется к фигуре, которую я сначала не заметила. Немного более бесформенная, чем остальные, она плавает и колыхается в нескольких футах от Зары. Нимуэ подходит к светящемуся существу и протягивает руку.

– Иди сюда, дитя, – шепчет Нимуэ голосом, который звучит одновременно слишком громко и слишком тихо в этом странном мире. – Твое время еще не пришло.

Фиолетовая форма колеблется один раз, другой, а затем протягивает что-то вроде руки, позволяя Нимуэ ухватиться за нее. Схватив одной рукой светящееся существо, другой морская ведьма мягко подталкивает его вперед. Когда они добираются до тела Зары, Нимуэ тихо поет на том же языке, на котором проклинала меня. Световая форма начинает дюйм за дюймом опускаться, а морская ведьма следует за ней, пока свет не заполняет форму, которую представляет собой тело Зары. Нимуэ продолжает петь, и мелодия превращается в навязчивый вой. Когда песня заканчивается, она снова выпрямляется во весь рост и поворачивается ко мне. Волна паники пробегает по моему телу, когда мать склоняет голову набок.

– Ты тоже здесь, моя маленькая жемчужина?

Этого вопроса достаточно, чтобы вышвырнуть меня из Двенадцатого королевства. Я открываю глаза и обнаруживаю, что время возобновило свой ход. Я готовлюсь к тошноте, которая обычно следует за этим, но ничего не происходит. Не в этот раз. Это потому, что не я открыла вход в тот мир? Неужели я только что отключила связь моей матери с Двенадцатым королевством? Еще больше меня беспокоит тот факт, что она вообще способна войти туда, что значит... это еще одна странная сила, которую я унаследовала от нее.

Я встречаюсь взглядом с морской ведьмой и обнаруживаю, что она с понимающей улыбкой на губах наблюдает за мной сквозь опущенные веки.

– Дитя мое, да ты полна сюрпризов, – говорит она.

Зара, которая хватается ртом воздух и, спотыкаясь, поднимается на ноги, избавляет меня от необходимости отвечать. Увидев меня, она скалит зубы и, выставив когти, делает угрожающий шаг вперед.

– Ты, тупоголовый тюлений выродок...

– Достаточно, – твердо командует Нимуэ. – Ты знала, во что ввязываешься, Зара. – Разъяренная фейри останавливается, но не сводит с меня глаз. – Возвращайся к Сестрам, – требует Нимуэ.

Низкое рычание вырывается из горла Зары, но она повинуется, пристально глядя на меня с каждым шагом, который делает.

– Я горжусь тобой, дочь, – ухмыляется Нимуэ, как будто я только что выполнила свое первое подводное сальто. – Теперь нам предстоит еще многое обсудить. – С этими словами она скользит к своему трону и садится.

– Например, то, как ты только что заставила меня убить кого-то?

Она легкомысленно взмахивает рукой в сторону Зары.

– Она была едва жива. А теперь, смотри, с ней все в порядке!

Зара усмехается.

– Мне нечего с тобой обсуждать, – говорю я. – Я не обязана ни говорить с тобой, ни слушать тебя...

– На самом деле, еще как обязана. Согласно моей сделке с твоим отцом, теперь ты служишь мне. Являешься одной из моих подданных. Ничто не может нарушить это.

Ничего... кроме брака с другим королевством. Ради всего святого, отец знал гораздо больше, чем пытался показать. Будь он честен со мной с самого начала, я могла бы поступить по-другому, когда он сосватал меня за земного принца. Тогда я не стала бы беспокоиться о том, что меня отвергнут, когда обнаружат мой смертельный поцелуй. Я могла бы даже припугнуть этим принца! Заставила бы его жениться на мне и обеспечить тем самым мою безопасность. Огненная ярость закипает в моей крови, но быстро успокаивается, потому что, в конце концов, я не огненная фейри, а водная. Я мягкий маленький тюлень, который даже не может убить того, кого ненавидит, не говоря уже о том, чтобы угрожать невинному.

– Тогда чего ты от меня хочешь? Собираешься заставить присоединиться к твоим Сестрам? Будешь организовывать убийства, которые мне придется выполнять?

Нимуэ изучает меня скучающим взглядом.

– Полагаю, тебе необязательно присоединяться к Сестрам, – говорит она неохотно, но довольно расчетливо. – На самом деле, я могла бы вообще отказаться от любых притязаний на тебя.

Надежда зарождается в моем сердце, но подозрения все же берут над ней верх.

– Как это?

Морская ведьма откидывается на спинку трона, мотая из стороны в сторону своим змеиным хвостом.

– Ты кое-что забрала у Сестер. Спасла того, кто был обязан умереть.

Я мгновенно понимаю, о ком речь. Брат Дориан.

– Так это ты устроила кораблекрушение.

– Да.

– Почему? Чем он так разгневал тебя?

Морская ведьма издает лающий смешок.

– Ты понятия не имеешь, какого монстра спасла. Его зовут Дориан Арико, сын Астерна Арико. Тебе знакомо это имя?

Я качаю головой.

– Довольно предсказуемо. Разумеется, твой отец обеспечил тебе спокойную жизнь в Бершарборе. Как бы то ни было, Астерн Арико являлся членом братства Святого Лазаро, человеком, следующим ордену силы. После того как восстания были подавлены, он тайно доставил в свое поместье захваченных во время стычек фейри. В своем подвале он основал нелегальный бойцовский клуб, которым управлял в течение трех лет, пока фейри не обнаружили его. Нашим плененным собратьям приходилось сражаться друг с другом или с другими недавно

захваченными фейри, а иногда даже с людьми Святого Лазаро. Много фейри погибло. К тому времени, когда бойцовский клуб рассекретили, в живых осталась только одна морская фейри. Позже ее убил сын Астерна, Дориан Арико, когда тому было всего десять лет.

– Почему он убил фейри? – спрашиваю я голосом едва громче шепота. У меня никак не получается соотнести образ десятилетнего ребенка-убийцы с красивой фотографией, которую я видела возле церкви.

Нимуэ пожимает плечами.

– Он сын своего отца. Какая еще тебе нужна причина? Астерн Арико воспитывал сына так, чтобы тот пошел по его стопам и вступил в орден силы братства Святого Лазаро. Многие считают, что мальчик убил фейри в ходе простой тренировки, несмотря на то, что сам он пытался оправдаться простой самообороной. Но убитая им фейри скончалась от семи ножевых ранений, а когда мальчика нашли, тот был с ног до головы залит кровью, как будто купался в ней.

От одной только мысли об этом желчь подступает к моему горлу.

Морская ведьма продолжает:

– Астерн и все остальные, кто состоял в бойцовском клубе, были казнены, но Совет Альфы признал мальчика невиновным. Тем не менее вряд ли кто-то, даже члены королевской семьи, действительно поверили в это.

Я удивлена, что преступление посчитали достаточно серьезным, чтобы отдать в руки Совета Альфы. Как высшая форма правления в Фейривэе, состоящая из правителей каждого королевства, Совет Альфы рассматривал только самые крупные дела. Большинство вопросов может решить суд королевства, в котором совершено преступление. Обычно только юридические скандалы, связанные с самими членами королевской семьи, требуют вердикта Совета Альфы. С другой стороны, святой Лазаро ходит по лезвию ножа еще со времен восстаний. Полагаю, вполне логично, что любое преступление, связанное с братством, рассматривается как государственная измена.

– Если все считают его виновным, почему же его не убили? – спрашиваю я, и от этого вопроса у меня скручивает живот. Считаю ли я, что его следовало убить? Стоило ли его вообще убивать?

– Вскоре после казни мать мальчика отправила его в школу-интернат в Бреттоне. Вероятно, чтобы предотвратить дальнейшее расследование, которое могло бы доказать вину ее сына. С тех пор там он и жил. Не было никакой необходимости наказывать его еще больше.

– Но он вернулся?

– Да, чтобы потребовать свое наследство, – говорит Нимуэ с усмешкой. – Имущество Астерна Арико, доходы от азартных игр и поместья были конфискованы Советом Альфы, но, поскольку он оказался единственным членом семьи, чью вину доказали, его пожелания, когда дело касалось сына, должны были быть соблюдены. Он выделил значительную сумму на образование Дориана, а также солидное состояние, на которое тот мог претендовать, когда достигнет совершеннолетия. Деньги, скорее всего, были получены от незаконных ставок, но доказательств этого не нашлось. Таким образом, наследство мальчика, зарезервированное на его имя, было отложено, чтобы он мог забрать его в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года. Если по истечению этого времени Дориан не появится, состояние автоматически признается неустойкой. Никто не ожидал, что он вернется, потому что только житель острова может претендовать на богатство и собственность, расположенные на нем. Покинув Фейривэй, человек без разрешения на краткосрочный въезд обязан повторно подать заявление на получение гражданства. Дориан, похоже, был настроен решительно, раз назначил встречу на острове Ванмар, чтобы обсудить упомянутое гражданство.

– Остров Ванмар? – эхом отзываюсь я, услышав незнакомое название.

– О, дитя мое, ты жила под стеклянным куполом, верно? – Я прищуриваюсь, но Нимуэ только смеется. – Это один из маленьких охраняемых островов на севере, сразу за Лунным королевством. Там всегда совершаются сделки с людьми, имеющими сомнительное происхождение. Лучший способ решения юридических вопросов без получения позволения проникать на сам материк.

– Вот когда на его корабль напали? Когда он направлялся на этот остров?

Вполне логично, учитывая, что крушение произошло к западу от мыса Вега. К северо-западу оттуда расположена небольшая группа островов, один из которых, я предполагаю, и есть Ванмар. Должно быть, фейри сбили корабль с курса, вместо этого направив его к мысу. С содроганием я задаюсь вопросом, сколько еще человек было на борту. Капитан, команда, возможно, другие, ищущие гражданства люди. Их я не спасла.

– Да, и, если бы ты не вмешалась, он никогда не добрался бы до берега. Пожар уничтожил бы каждого, кто плыл на этом корабле.

– Я пыталась покончить с ним, – возражает Зара, – но он напал на меня, разбил масляную лампу о мою голову и толкнул меня в огонь.

Я пристально смотрю на нее.

– Я бы, вероятно, поступила точно так же, если бы ты попыталась меня убить.

Зара встает и делает шаг вперед.

– Как будто он этого не ожидал. Морская фейри, которую он убил, была моей сестрой. В течение трех лет ее держали в клетке в подвале, прикованной железными цепями – нелегальным металлом. Вероятно, ты слишком глупа, чтобы понять, что он смертелен для фейри. Одно только прикосновение подобно пытке. Постоянное пребывание в железных наручниках медленно отравляло ее плоть. Она мучилась в бесконечной агонии. Но это еще не все. Она была вынуждена бороться за свою жизнь ночь за ночью. Из всех фейри, которых Арико держал для своего боевого ринга, выжила только она. Она оставалась там три года. И этот... мальчик... убил ее.

Я разрываюсь между сочувствием, отвращением и раздражением. Ее сестра действительно не заслуживала подобной участи, но я не могу избавиться от ощущения, что они чего-то недоговаривают. Если эта фейри оказалась последней выжившей в жестоком бойцовском клубе, как десятилетний мальчик смог победить ее? В таком юном возрасте был ли он действительно злобным чудовищем? И как все это относится ко мне? Я снова обращаю свое внимание на Нимуэ.

– Как это все позволит мне не присоединиться к твоей веселой компании убийц?

– Прояви терпение, любовь моя, – говорит Нимуэ раздражающе нежным голосом. – Как я уже говорила, ты понятия не имеешь, во что вмешалась. Ты помогла мальчишке добраться до берега.

– Откуда ты вообще это знаешь?

Она опускает взгляд на мой сжатый кулак, в котором я все еще держу гребень.

– После того как твой отец наконец рассказал мне о твоих способностях, я настроила всех Сестер на твою сущность, чтобы любая из них могла найти тебя. Зара, оправившись от атаки Дориана, почувствовала тебя. Это она нашла гребень. Той ночью я уже почувствовала тебя в океане, поэтому, когда Зара принесла мне гребень, сразу поняла, что произошло. И все же мне были нужны дополнительные доказательства. Поэтому я использовала твою маленькую безделушку, чтобы создать заклинание, которое позволило Заре выследить тебя. Она шла по твоему следу от моря до ступеней церкви Святого Лазаро, а после – по всему Люменасу, пока наконец не увидела во плоти. Она наблюдала, как ты снова и снова возвращалась в церковь, как будто искала что-то. Или кого-то.

Я сжимаю челюсти, надеясь, что морская ведьма не видит, как румянец заливает мои щеки. Не то чтобы мне было стыдно. Почему бы не проверить того, чью жизнь я спасла? Я только хотела знать, жив он или мертв.

Нимуэ вздыхает.

– Теперь, по твоей милости, все мои усилия могут оказаться напрасными. Церковь Святого Лазаро предоставила Дориану Арико убежище, которое действует в течение четырнадцати дней. Если ты хорошенько подумаешь, дорогая дочь, то, вероятно, сможешь догадаться, что произойдет дальше.

Я пожимаю плечами:

– У него больше не будет убежища, а значит, ты пошлешь Сестер Черного Угря, чтобы те попытались убить его еще раз?

– Не совсем, потому что он уже опережает нас. Возможно, ты заметила вывеску возле входа в церковь. То объявление с участием красивого брата Дориана, что охотится на невесту-фейри.

– Я его заметила, – говорю я, неловко переминаясь с ноги на ногу, прежде чем напоминаю себе, что следует оставаться отчужденной и незаинтересованной.

– А обратила ли ты внимание на временные рамки конкурса? Он заканчивается как раз в последний день, когда ему предоставят убежище. А после этого предполагается свадьба. Если Дориан женится на фейри или фейри-полукровке, ему гарантировано гражданство. Совет Альфы не станет заказывать убийство законного гражданина, а это значит, что у нас есть всего десять дней, чтобы исправить беспорядок, который ты устроила. И делать это придется тебе.

Я тупо смотрю на морскую ведьму.

– Мне?

– Да.

– Ты просишь, чтобы я... убила его?

– Похоже, ты прекрасно с этим справляешься.

Гнев вспыхивает во мне.

– Я не собираюсь убивать его, Нимуэ. Я не одна из твоих наемниц. Накажи меня, если хочешь, угрожай, сколько угодно, но ничего не сможет убедить меня сделать это. Я не такая бессердечная, как ты.

По крайней мере, так считал отец. Он верил в это настолько, что пытался мне помочь. Пытался предотвратить ту самую судьбу, которую я так глупо навлекла на себя.

Нимуэ встает со своего трона и скользит ко мне. Когда она начинает говорить, ее голос звучит холодно:

– Да, я убийца, любовь моя, но эта обязанность была возложена на меня Советом Альфы. У каждого монарха своя роль, и некоторые из этих ролей важнее других. Королева Никсия известна как могущественная заклинательница, ответственная за распределение наказаний в судебных делах высшего уровня. Королева Эстер наблюдает за научным прогрессом Звездного королевства. Твой отец отвечает за безопасность морских путей для торговых судов. У меня тоже есть свои обязанности. Я совершаю убийства, санкционированные Советом Альфы. С этим я не могу поспорить. А ты можешь?

Я содрогаюсь от того, на что она намекает. Кораблекрушение было не просто безрассудным нападением, а попыткой убийства, одобренной самим Советом Альфы. Тем самым советом, к которому принадлежит мой отец. Чтобы столь рискованные действия были приняты, необходимо единогласное решение всех членов.

Если мой отец считал, что Дориан должен умереть, на то должна быть веская причина.

Лицо Нимуэ смягчается, когда она останавливается передо мной.

– Этот мальчишка виновен, любовь моя. Он уже занял место своего отца в церкви, которая ненавидит фейри. Как и его отец, он был принят в орден силы. Ты должна понимать, что,

если ему удастся взять в жены феяри, он будет жесток с ней. Она запросто может стать его следующей жертвой.

Я тяжело сглатываю, и мое дыхание становится поверхностным, пока я пытаюсь переварить все, что сказала морская ведьма. Она была права в одном: я вела уединенную жизнь. Несмотря на то, что многому научилась с тех пор, как сбежала, я все еще мало что знаю о людях. В моих ли силах спасти сумасшедшего?

Я выбрасываю этот вопрос из головы и сосредотачиваюсь на гораздо более насущных проблемах.

– Ты все еще не сказала, каким образом это поможет мне освободиться от тебя.

– Если ты решишь это дело, совершишь это убийство, я отпущу тебя. Убей Дориана Арико, и я откажусь от любых посягательств на тебя. Тебе не придется присоединяться к Сестрам. Ты сможешь вернуться домой к отцу. А еще лучше... – Она делает драматическую паузу и склоняет голову набок. – Я могу сделать так, чтобы тебе больше никогда не пришлось убивать кого-либо своим поцелуем.

Ошеломленная, я молчу. Страх и тоска в равной мере наполняют мое сердце, сталкиваясь в дрожащих конвульсиях, пока я обдумываю столь невероятное предложение. Здесь определенно скрыт какой-то подвох. Я пытаюсь не попасться на ее удочку, не задать вопрос, который вот-вот готов сорваться с губ. Но это бесполезно. Любопытство поднимается из груди к горлу, подталкивая слова:

– Ты действительно можешь забрать мою магию?

– Я могу сделать так, что тебе больше никогда не придется бояться кого-то поцеловать. Я могу зачаровать твои губы таким образом, что твой следующий поцелуй станет последним, который приведет к бессмысленной, мгновенной смерти. С этого момента ты сможешь целоваться с любовью, со страстью, с радостью, при этом не причинив вреда ни одной живой душе. Но только при условии, что выполнишь мою просьбу.

Я провожу рукой по волосам и расфокусированно смотрю в никуда, когда отступаю от морской ведьмы.

– Я... не могу. Если он попросил убежища в церкви, то, вероятно, и шагу не ступит за ее пределы.

– Тебе не стоит беспокоиться об этом. Ты войдешь в церковь и подойдешь прямо к Дориану Арико.

– Но как?

– Приняв участие в конкурсе невест.

Глава XI

Замерев, я смотрю на королеву Нимуэ широко раскрытыми глазами. Возможно, я неправильно расслышала.

– Прошу прощения?

– Ты присоединишься к конкурсу и поборешься за его руку и сердце. Соревнование начнется через три дня, так что ты сможешь подарить ему свой поцелуй на рассвете семь дней спустя.

Я заикаюсь, подыскивая слова, которые помогут мне разобраться в столь нелепом плане.

– Ты хочешь, чтобы я боролась за право стать его невестой?

– Только столько, сколько потребуется, чтобы поцеловать его.

– Но ты все же ожидаешь, что я проникну на конкурс и... что дальше? Поцелую его при всех, чтобы показать, кто именно его убил?

Нимуэ хихикает.

– Не столь очевидно, дитя мое. Я предлагаю тебе поцеловать его наедине, особенно если ты сможешь поймать момент и не оставить при этом улики, что вы вообще были вместе. Участницы становятся гостями церкви либо на протяжении всего конкурса, либо до тех пор, пока не будут от него отстранены. Это значит, у тебя будет предостаточно темных ночей, чтобы попытаться. Даже если будет установлено, что ты находилась с ним в момент смерти, никаких доказательств того, что ты стала причиной его кончины, найти не удастся. Я видела, как выглядела Зара, прежде чем вернуть ее обратно. Не знай я наверняка, могла бы подумать, что она пострадала от любого естественного недуга. Тебя могут осматривать и тыкать в тебя пальцами, пока ты не посинеешь, но ничего, что могло бы связать тебя со смертью Дориана, не найдется.

– Я не хочу, чтобы меня осматривали или тыкали в меня пальцами.

– Тогда делай свою работу как следует. – Ее голос звучит резко. – Я делаю тебе одолжение, Мэйзи. С тех пор, как ты родилась, я считала дни до того, как смогу обнаружить в тебе ту же магию, что и у меня. Чтобы вернуть ребенка, которого потеряла. Думаешь, мне нравится наказывать тебя при нашей первой встрече? Неужели ты думаешь, что в своем предложении я не иду на уступки? Я согласилась освободить тебя от соглашения, которое нас связывает.

Я закатываю глаза.

– Если бы ты действительно делала мне одолжение, то не стала бы манипулировать мной, чтобы заставить кого-то убить. Вот почему я убежала от тебя целый год. Потому что не хотела становиться частью этого. – Я указываю на Сестер, которые рычат в ответ. – Я не хочу убивать людей.

Нимуэ подходит ближе и понижает голос:

– Всего лишь еще один поцелуй, Мэйзи, и тебе больше никогда не придется никого убивать. Наконец-то ты сможешь поцеловать кого-нибудь по любви.

Любовь. То, чего, как я поклялась, у меня никогда не будет. Могу ли я принять ее предложение? Убить человека в обмен на свободу от своей ужасной магии? Моя жизнь могла бы стать совершенно другой. Если Нимуэ действительно не станет заявлять права на меня как на своего подданного, мне больше не придется убегать. Я смогу вернуться домой к отцу. Смогу передвигаться по острову, не прячась и не воруя. Смогу отправиться в приключение и увидеть то, чего не могла всю свою жизнь. Я смогу... влюбиться.

Но сначала мне придется убить человека, которого сама же и спасла.

Могу ли я это сделать?

Я вздергиваю подбородок.

– Что, если я откажусь?

– Тогда ты останешься подданной моего королевства и будешь обязана следовать моим приказам, одним из которых вполне может стать посвящение в Сестры Черного Угря. И да, ты можешь попытаться сбежать, но мои слова остаются в силе. Ты умрешь через десять дней, если не подчинишься мне. Только я могу снять проклятие, которое наложила. Поверь, любовь моя, я хотела бы увидеть, как ты проживешь очень долгую и счастливую жизнь.

Я отступаю от нее, разрываясь между негодованием и беспомощностью. Куда ни посмотри, меня подстерегает неизбежный исход. С одной стороны, я свободна, но должна ради этого убить человека. С другой, становлюсь орудием в руках монстра. Или того хуже – выбираю смерть. Мое сердце так сильно колотится о ребра, что кажется, вот-вот может взорваться.

– Один поцелуй, Мэйзи, – повторяет Нимуэ, ее голос такой же мягкий, как крошечные волны, набегающие на берег. – Это все, чего я прошу. Один поцелуй, влекущий за собой смерть опасного человека.

Смирение сковывает мои кости, заставляя почувствовать себя тяжелой и усталой. Потерянной. Мой голос звучит тихо:

– Я даже не знаю, смогу ли присоединиться к конкурсу. Что, если они уже нашли достаточное количество участниц?

Губы Нимуэ изгибаются в довольной усмешке, от которой у меня к горлу подступает желчь.

– Ты уже присоединилась.

– Что? Как?

Какое-то движение привлекает мое внимание, и я вижу, как чешуя Зары начинает мерцать от головы до ног. Когда чешуйки оседают, их место занимает иллюзия, которая помогает ей стать похожей... на меня. За исключением отвратительно пышного розового платья, конечно. В остальном сходство пугающе сверхъестественное. Она складывает руки на груди и натягивает жеманную улыбку на свои-мои губы.

– О, я бы так хотела принять участие в конкурсе, – говорит она голосом, который звучит почти как мой. – В конце концов, это я спасла его. Вы знали? Я влюбилась в него в тот момент, когда увидела.

Я задыхаюсь, и жар обжигает мои щеки, но не только из-за оскорбительного подражания.

– Ты можешь лгать.

– Вот что делает ее такой ценной для меня. Эльф-каракатица способна не только использовать свои чары, чтобы умело имитировать другого человека, но и вполне может солгать, пока притворяется кем-то другим.

– Если она может выдавать себя за кого угодно, зачем тебе я?

– Потому что это твоя ошибка, – говорит Нимуэ. – Теперь ты обязана хранить мне верность, и я буду обращаться с тобой так, как обращалась бы с любой из Сестер. Ты вмешалась в миссию, так что тебе все и исправлять.

– Я спасла его только потому, что он оказался в океане. Выполняй Зара свою работу с самого начала, ничего бы из этого не случилось. Или я ошибаюсь?

Зара открывает рот, обнажая острые зубы, но Нимуэ поднимает руку, чтобы успокоить ее.

– Ты сделаешь это, дочь. Правда остается правдой: он бы утонул, не сопроводи ты его через границу. – Морская ведьма протягивает ко мне руку. – Так мы заключаем эту сделку или нет?

Я издаю лающий смешок.

– Возможно, я мало видела в этой жизни, но уж точно знаю, что лучше не соглашаться на сделку, пока ее условия не согласованы окончательно.

Она одаривает меня одобрительной улыбкой.

– Очень хорошо. Вот мои условия: ты примешь участие в конкурсе невест, сделаешь вид, что хочешь замуж за Дориана Арико, хотя на самом деле твоя цель – разделаться с ним. Через

десять дней ты поцелуешь его до восхода солнца, прежде чем он женится на фейри. Я же, в свою очередь, наложу на твои губы такое заклятие, что твой следующий поцелуй станет последним поцелуем, что приведет к смерти. Если тебе удастся убить Дориана Арико, я верну тебе твою тюленью шкуру и откажусь от любых посягательств на тебя как твоя мать и как твоя королева.

Когда она замолкает, я бросаю на нее многозначительный взгляд.

– Я также хочу услышать часть о том, что случится, если я потерплю неудачу.

Нимуэ одаривает меня еще одной одобрительной усмешкой. Она испытывает меня, и я ненавижу ее за это.

– Если ты не сможешь поцеловать Дориана Арико, и он останется жив к первому восходу солнца после истечения срока предоставления убежища, проклятие, которое я наложила на тебя, заберет твою жизнь. Мое проклятие таково: любая человеческая одежда, которую ты носишь, сгорит, как и любая другая тюленья шкура, кроме твоей собственной.

Меня охватывает паника. В дневное время шелки могут выжить в благой форме, только если наденут человеческую одежду или вернуться в свою тюленью шкуру. В противном случае они погибнут. Даже укрытие в океане не может спасти шелки от такой участи. Их жизни становятся данью моря, но, умирая, они превращаются в морскую пену. Из-за этого я никогда не раздеваюсь полностью при дневном свете, даже для того, чтобы принять ванну или переодеться. На мне всегда остается по крайней мере один предмет одежды.

Ярость вспыхивает во мне, поднимаясь, подобно приливающей волне.

– Ты проклянешь меня, даже если я соглашусь на сделку? Нарушенные сделки и так приводят фейри к смерти. Разве этого не достаточно?

Нимуэ не выказывает и намека на стыд.

– Мое проклятие останется дополнением к нашей сделке. Однако я обещаю, что, если у тебя все получится, через десять дней до восхода солнца мы встретимся на мысе Вега, где я сниму с тебя проклятие и верну тебе тюленью шкуру. Если же ты потерпишь неудачу, я в любом случае буду ждать тебя там, чтобы получить хоть какие-то объяснения. Так что, теперь ты согласна на сделку? Если нет, ты все еще считаешься моей подданной и должна оставаться со мной. Конечно, у тебя есть следующие десять дней, чтобы попытаться угодить мне настолько, чтобы я сняла проклятие и оставила тебя в живых. Но тогда смертоносная магия тоже останется с тобой, и ты сможешь начать знакомство со своими новыми Сестрами.

Моя ярость сменяется печалью, когда тяжесть сделки давит на мои плечи.

– Убийство, смерть или вечная жизнь наемницей. Вот и все варианты, что у меня есть.

– Довольно справедливые варианты, – говорит Нимуэ.

Я качаю головой.

– Что ты вообще знаешь о справедливости?

Выражение лица морской ведьмы становится жестче, но она не возражает. Вместо этого она снова протягивает руку, ожидая, когда я скреплю нашу сделку.

– Я ненавижу тебя, – говорю я сквозь зубы.

– Хорошо. Направь этот гнев на Дориана Арико. Ведь это он – причина, по которой ты здесь, верно? Я спрошу тебя еще раз: согласна ли ты на эту сделку?

Мои легкие словно сдавливают железные тиски, а горло горит от негодования.

Но какие еще варианты у меня есть? Эта сделка – мой единственный шанс на нормальную жизнь.

Все, что мне нужно сделать, – это убить опасного человека.

С глубоким вздохом я хватаю королеву за руку. Мои следующие слова ощущаются на языке, как разбитые раковины:

– Я согласна на эту сделку.

Когда представление окончено, Нимуэ позволяет Сестрам уйти. Как только мы остаемся одни, она поворачивается ко мне с широкой улыбкой. Улыбкой, которая переполнена не материнской гордостью, а кое-чем другим – отвратительно фальшивой добротой и детской взволнованностью.

– Нам нужно, чтобы ты выглядела наилучшим образом. Пойдем, моя дорогая дочь, я подготовила для тебя лучший номер и множество платьев на выбор. – Морская ведьма начинает ускользать, но я не предпринимаю и малейшей попытки последовать за ней.

– Что заставляет тебя думать, что я останусь здесь еще хотя бы на минуту?

Нимуэ поворачивается ко мне лицом и хмурится, как будто не понимает моих слов. После короткого молчаливого изучения уголок ее рта приподнимается в ухмылке.

– Ты не можешь участвовать в конкурсе невест в таком виде.

Я сопротивляюсь желанию взглянуть вниз на свою мешковатую льняную рубашку и грязные брюки. Вместо этого смело встречаю взгляд морской ведьмы.

– Я и сама могу подготовиться к этой миссии. Где выход?

– Почему я должна позволить тебе уйти? – спрашивает она, надув губы. Я ожидаю услышать злость в ее голосе, но этого не происходит.

– Почему бы и нет? Ты ничем не рискуешь, позволяя мне вернуться в Люменас. Если провалю задание, твое проклятие убьет меня. Если не присоединюсь к конкурсу, нарушу нашу сделку, что приведет к тому же исходу. Единственный приемлемый вариант – выполнить свою задачу и убить этого юношу.

– Но ты только пришла, – она сокращает расстояние между нами и берет мои руки в свои.

Я слишком устала, слишком опустошена, чтобы отодвинуться. Нимуэ разжимает мои одеревеневшие пальцы и осторожно берет гребень. С вызывающей тревогу нежностью она заправляет волосы мне за ухо, и я вздрагиваю от прикосновения, но остаюсь на месте, когда она закалывает гребень в виде раковины.

– Позволь мне позаботиться о тебе. Ты моя единственная дочь, Мэйзи.

– Со своими Сестрами Черного Угря ты обзавелась кучей приемных. Они, в отличие от меня, похоже, действительно тебя любят.

Ее губы замирают между улыбкой и хмурой гримасой.

– Неправильно, что ты уже такая взрослая. Ты ведь все еще ребенок.

– При чем здесь это?

– Я думала, что у нас будет больше времени. Думала, твоя магия проявится сразу же, и у меня будет возможность воспитать тебя.

Я издаю мрачный смешок.

– Отец сказал, что в тот момент, когда я родилась, ты зарычала от разочарования и отказалась даже взять меня на руки.

Выражение ее лица на секунду меняется, прежде чем снова становится непроницаемой маской.

– Я рассказала тебе о сделке, которую мы заключили с твоим отцом. Из-за того, что ты родилась тюленем, я была обязана передать тебя ему. В противном случае, ты осталась бы со мной. Каждый ребенок, которого зачал твой отец, рождался точно таким же, как он, независимо от того, кем была мать. Тем не менее я все же питала надежду. В своем чреве я чувствовала, что ты такая же, как я. Ты была моей во всех отношениях, а потом появилась на свет с серой шерстью и лапами. Признаюсь, чувство было, будто ты предала меня. Ребенок, которого, как мне казалось, я уже так хорошо знала. Однако правда заключалась в том, что от осознания, что мне придется отказаться от тебя, я была убита горем. И все же надежда никогда не покидала меня. Я знала, однажды ты докажешь, что обладаешь магией, подобной моей, магией, с которой твой отец не хочет иметь ничего общего. Вот почему он согласился

отдать тебя, если ты докажешь, что являешься такой же, как я. Он знал, что не сможет жить с дочерью, владеющей темной магией. Сама мысль об этом вызывала у него отвращение.

Я качаю головой, в которой эхом отдаются слова отца.

«Она не остановится, пока не сделает тебя одной из своих наемниц. После такого я не смогу жить. Ты не убийца, дитя мое. Я не смогу смотреть, как из тебя делают чудовище...»

Нимуэ ошибается на его счет. Отец имел в виду совсем не это, когда сказал, что не сможет жить с тем фактом, что я стала убийцей. Он любил меня. Все еще любит. Он взял на себя вину за смерть Лютера и сделал все, что мог, чтобы защитить меня от Нимуэ. Не потому, что моя темная магия вызывала у него отвращение, а потому что... потому что...

– Ты ничего не знаешь о моем отце.

Морская ведьма открывает рот, но тут же закрывает его, словно обдумывая, что именно хочет сказать.

– Я понимаю, что не должна плохо отзываться о твоём герое, поэтому не стану этого делать. Важно другое – все это время я была права насчет тебя. Ты такая же, как я. И теперь я могу стать матерью, которой всегда хотела быть.

– Хочешь сказать, что теперь можешь угрожать мне и заставлять убивать других. – Я скрещиваю руки на груди и отступаю от нее на шаг. – Можешь претендовать на меня, как на подданную своего королевства, но ты не моя мать и никогда ею не будешь.

Глава XII

Грудь Нимуэ вздымается, когда она смотрит на меня с яростным выражением лица. Я боюсь, что она набросится на меня, накажет за неповиновение, но я слишком зла, чтобы беспокоиться об этом. Между нами воцаряется тишина, пока я с вызовом смотрю морской ведьме в глаза. Через мгновение ее ярость исчезает, и на ее место возвращается холодная маска Королевы-убийцы.

– Прекрасно, Мэйзи. Если ты так хочешь подготовиться к конкурсу самостоятельно, я отвезу тебя прямо на мыс Вега.

– Я сама найду обратный путь. Просто укажи, в какой стороне берег.

Она усмехается.

– Чтобы ты могла сбежать к своему отцу?

Я сжимаю челюсть. Таков был план. Я думала, что перед возвращением в Люменас смогу, по крайней мере, навестить его и братьев. Возможно, отец заверил бы меня, что Нимуэ переоценивает свои способности, что он легко может снять проклятие, которое она наложила на меня.

В этот момент я напоминаю себе, что уже заключила сделку, а сделки фейри обязательны к исполнению. Слишком поздно давать задний ход и надеяться, что меня можно спасти. Я должна убить Дориана. Не стоит забывать и о сделке моих родителей. Они договорились, что, проявив темную магию, я стану подданной Нимуэ. Так что теперь отец ничего не может для меня сделать.

– Хорошо, – говорю я. – Отвези меня обратно.

Нимуэ лезет в мешочек, висящий у нее на поясе, и достает серебряную пудреницу.

– Что это? – спрашиваю я.

– Это называется Колесница. Редкое приспособление фейри, которое позволяет мгновенно перемещаться в пространстве. Оно было изобретено примерно после окончания первой войны фейри. Так как предоставлять Колесницу для всеобщего пользования слишком опасно, Совет Альфы разрешает владеть подобными технологиями только немногим членам королевской семьи.

– И почему-то они сочли благоразумным дать одну тебе?

Морская ведьма ухмыляется.

– Они об этом даже не подозревают. Давай остановимся на том, что я пошла на многое, чтобы украсть ее.

– Не понимаю, если у тебя есть что-то настолько мощное, почему бы не воспользоваться этим, не перенестись к Дориану и не покончить с ним?

– Я уже говорила, этот беспорядок устроила ты, тебе его и исправлять. Кроме того, у этой технологии есть свои ограничения. С помощью Колесницы можно перемещаться только в те места, которые ты уже видела или где уже успела лично побывать. Перед отправлением нужно представить пункт назначения своим мысленным взором. И еще эту вещицу можно использовать только дважды, после чего ее следует зарядить звездным светом. Соответственно, мой обратный путь, после того как отвезу тебя на мыс Вега, займет больше времени, поскольку Зара уже использовала Колесницу, чтобы доставить тебя сюда.

Я хмурюсь.

– Какое замысловатое приспособление.

– Да, и даже не думай пытаться украсть его у меня, иначе я отрежу тебе руки. Подойди, встань рядом.

Сердито глянув на нее, я подхожу к ней, и Нимуэ кладет руку мне на предплечье.

– Для совместного путешествия между нами должен быть контакт.

Другой рукой морская ведьма открывает пудреницу. Как и тогда, когда ее открыла Зара, свет становится все ярче и ярче, пока не ослепляет полностью. Я закрываю глаза и снова чувствую странное гудение, которое отдается эхом в моих костях. Когда оно прекращается, шум волн наполняет уши. Я открываю глаза и нахожу себя на узком берегу мыса Вега. Нимуэ отпускает мою руку. Я смотрю на небо, такое же темное, как и тогда, когда мы с Подаксисом вернулись в «Прозу стервятника». Усыпанное звездами, оно странно контрастирует с теплым сиянием покинутого только что тронного зала. Мне кажется, что прошла вечность с тех пор, как Зара захватила меня в плен, но, похоже, все заняло не больше часа.

Часа, который все изменил.

– Есть еще одно заклинание, которое я должна наложить на тебя, – говорит Нимуэ.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я, и мои плечи напрягаются.

– Ты же хочешь, чтобы я выполнила свою часть сделки? Если все еще мечтаешь, чтобы больше тебе никогда не пришлось убивать, стоит дать мне разрешение изменить свою магию.

Я отшатываюсь при мысли о том, чтобы позволить морской ведьме снова использовать свою магию, но напоминаю себе, что это именно то, чего я хочу. Избавления от моей смертоносной силы – единственная хорошая вещь, которую ее магия способна сделать для меня. Я переминаюсь с ноги на ногу.

– Ты обещаешь, что это избавит меня от темной силы?

– Я обещаю, что твой следующий поцелуй станет последним поцелуем, который приведет к чьей-либо смерти.

С глубоким вздохом я киваю.

– Отлично, тогда сделай это.

Нимуэ закрывает глаза и подходит ближе. Я вздрагиваю, когда она поднимает руку к моему лицу и прижимает кончик пальца к моим губам. Как и раньше, морская ведьма начинает петь. От этой мелодии, даже когда она заканчивается, мои губы покалывает. Нимуэ отступает, и я прикасаюсь к своему рту.

– Почему это вызывает такие ощущения?

– Это мощная магия, – говорит она серьезным тоном, – но она исчезнет, как только ты поцелуешь Дориана.

Осязаемое напоминание о том, что я заключила сделку с морской ведьмой, заставляет мой желудок закрутиться узлом.

– Пусть все пройдет успешно, – желает Нимуэ довольно официально. – Независимо от того, добьешься ты успеха или нет, я буду ждать тебя здесь на рассвете, после окончания конкурса.

Я киваю и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Что, даже не обнимешь свою маму?

Не обращая внимания на ее замечание, я продолжаю удаляться от скалистого берега, пока не достигаю края утеса. Оттуда я поднимаюсь вверх и не позволяю себе оглядываться на море, пока не добираюсь до вершины. А когда поворачиваюсь, то с удивлением обнаруживаю, что Нимуэ все еще стоит на берегу и наблюдает за мной. Затем, помахав рукой и улыбнувшись, она ныряет в воду.

К тому времени, как добираюсь до «Прозы стервятника», я чувствую себя ходячим трупом. Мои конечности кажутся тяжелыми, а на сердце давит железный груз. С каждым шагом, который я делаю, мне все больше и больше хочется спать, но, стоит мне подойти к двери своей спальни, как раздаются сразу два голоса.

– Где ты была? – спрашивает Подаксис, пока они с Надей несутся по коридору мне навстречу. Я подавляю стон. Лучший друг смотрит на меня с беспокойством в глазах и постукивает когтями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.